

Е. В. Илюшечкина

КАРТИНА МИРА ДИОНИСИЯ ПЕРИЭГЕТА

В статье речь идет о картине мира Дионисия Перизгета, нашедшей отражение в его дидактической поэме «Описание ойкумены» (II в. н.э.). В схематичном описании ойкумены в форме пращи, окруженной Океаном и разделенной на три материка – Ливию, Европу и Азию, Дионисий использует традиционные сравнения очертаний географических объектов с геометрическими фигурами. Однако при детальном описании тех же областей Дионисий описывает пространство с точки зрения воображаемого путешественника, т.е. годологически («по путям»). Тем самым Дионисий Перизгет успешно совмещает в своей картине мира протокартографические и перизгетические элементы.

Ключевые слова: Дионисий Перизгет, античная география, картина мира, ментальная география.

В данной статье речь пойдет о географических представлениях Дионисия Перизгета и особенностях его картины мира, отраженных в дидактической поэме «Описание ойкумены» (первая треть II в.). Несмотря на то что поэма Дионисия содержит компилятивные сведения из разновременных трудов предшественников¹, структура картины мира Перизгета по своему оригинальна и заслуживает подробного рассмотрения. Дионисий знакомит читателя со схематической моделью мира: обитаемая земля, словно остров, расположена посреди мирового Океана, который образует в суше четыре крупных залива. Внешними очертаниями ойкумена подобна праще и условно разделена на три материка: Ливию, Европу и Азию. Дионисий подробно рассматривает ойкумену то как бы «с высоты птичьего полета», то используя традиционные способы восприятия географического пространства – описание «путей» с указанием маркирующих пунктов, сторон света и направлений ветров, расположения небесных тел, а также понятий правый–левый с точки зрения воображаемого наблюдателя.

МИРОВОЙ ОКЕАН

В начале поэмы Дионисий сообщает, что прежде чем начать воспевать сушу, моря, реки, города и многочисленные народы он упомянет «глубокотекущий Океан» (Ὠκεανοῖο βαθυρροῦ, ст. 3), которым окружена вся земля наподобие бескрай-

Илюшечкина Екатерина Викторовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

¹ В тексте поэмы нет прямых указаний на использованные источники и можно найти лишь косвенные подтверждения привлекаемых Дионисием свидетельств античных географов, прежде всего Эратосфена Киренского (276–194 гг. до н.э.), Посидония Родосского (ок. 135–51/50 гг. до н.э.) и Страбона (64/3 до н.э.–ок. 25 г. н.э.). К вопросу о степени зависимости текста Дионисия от произведения Страбона см. Илюшечкина 2011; Ilyushechkina 2011.

него острова (ст. 1–4). Таким образом, уже с первых стихов Дионисий вступает в литературную игру с читателем, сочетая географические сведения с поэтической традицией. В описании Океана и расположения обитаемой земли поэт следует раннеионийской традиции, в соответствии с которой Океан представляется мировым морем, несущим сушу, словно остров². При этом Дионисий украшает сугубо географический объект гомеровским формульным эпитетом βαθύροος – «глубоко-текущий» (ст. 3)³ и тем самым раскрывает перед читателем собственный замысел – облечь реальные географические сведения в традиционную эпическую форму.

Образ окружающего сушу Океана⁴ как мирового моря, или мировой реки, восходит к мифопоэтической традиции. Упоминание Океана в первых строках географической поэмы Дионисия в обрамлении гимнической формулы ἀρχόμενος – μνήσομαι (sc. Ὁκεανοῖο βαθυρροῦ) – «начиная... упомяну» (ст. 1–3) некоторые исследователи связывают с традиционным призывом к божеству и идентифицируют Океан Дионисия с древнеегипетским богом Нуном⁵. Однако эта гипотеза представляется недостаточно обоснованной: у Дионисия Океан выступает в качестве географического объекта и представляет собой одну из заявленных автором тем поэмы – наряду с сушей, морем, реками, городами и народами (ст. 1–4)⁶. Своим рассказом об Океане Дионисий подготавливает читателя к дальнейшему описанию ойкумены (рис. 1).

В составе Океана Перизет называет четыре части, или моря, двигаясь мысленно с запада по часовой стрелке (ст. 27–42)⁷. Моря Океана Дионисий располагает в соответствии с четырьмя сторонами света: на западе (Гесперийское море, или Западный Атлант), на севере (Замерзшее, Мертвое или Кронийское море)⁸,

² По поводу раннеионийской географической традиции см., например: Gisinger 1937, 2320.

³ Этот эпитет у Гомера: II. VII. 422; XIV. 311; Od. XI. 13; XIX. 434. Употребление данной гомеровской формулы в середине стиха см. также: *Hom. Hymn.* IV. 185; *Hesiod. Theog.* 265 (Ὁκεανοῖο βαθυρρεῖται); *Quint. Smyrn. Posthom.* I. 148; X. 197.

⁴ Убедительной этимологии гидронима «Океан» пока не существует (см. Chantraine 1983–1984, 1299); параллельные формы слова подтверждают гипотезу о древневосточном происхождении названия «Океан»: Ὠήν· Ὠκεανός, Ὠγενίδα· Ὠκεανίδα (Hesych. s.v.), Ὠγένος (*Lyc. Alex.* 231), Ὠηνός (*Pherec.* F 2 D.–K. = *Clem. Alex. Strom.* VI. 2. 9) (West 1997, 146–147; Иванчик 2005, 68).

⁵ См. Dionisio 2005, 144–148.

⁶ См. перечень тем в эпилоге поэмы: ὑμεῖς δ' ἤπειροί τε καὶ εἰν ἀλλ' χαίρετε νῆσοι / ὕδατά τ' Ὁκεανοῖο καὶ ἱερὰ χεῦματα πόντου / καὶ ποταμοὶ κρῆναι τε καὶ οὖρεα βησσήεντα – «Славьтесь вовек, материки и острова в глубоком море, воды Океана и священные морские потоки, реки, источники и покрытые лесами горы» (ст. 1181–1183). Здесь и ниже цитаты из поэмы Дионисия Перизета даются в переводе автора статьи.

⁷ σθένος Ὁκεανοῖο / εἰς μὲν ἑόν, πολλῇσι δ' ἐπωνυμίῃσιν ἀρηρώς – «...поток Океана; и хотя он един, он имеет множество названий» (ст. 27–28). В этой формулировке можно предположить намек Дионисия на стихи Арата (III в. до н. э.): в перизегзе Океан – в своем роде исключение и наделен множеством имен подобно Зевсу в «Явлениях» Арата, которого «смертные никогда не оставляют неназванным» (*Phaen.* 1–2 sq.; пер. А.А. Россиуса); см. также Effe 1977, 193.

⁸ Те же самые три названия Океана встречаются в ранневизантийском анонимном произведении *Geographiae expositio compendiaria* (45), что, по всей видимости, может указывать либо на общий источник обоих авторов (ср. Göthe 1875, 11), либо на зависимость безымянного автора от текста Дионисия (ср. Anhut 1888, 21–22). Ср. также описание Дионисием всей северной части Океана: Σκυθικοῖο βαθὺν πόρον Ὁκεανοῖο – «глубокое течение Скифского Океана» (ст. 587).

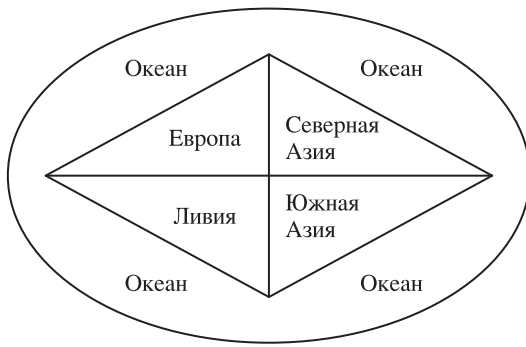

Рис. 1. Схематическое изображение Океана и суши по данным Дионисия Перизгета

на востоке (Восточное, или Индийское море) и на юге (Эритрейское, или Эфиопское море)⁹.

Использование нескольких названий для обозначения отдельных частей Океана косвенно указывает на то, что эти имена заимствованы из разных источников (ср. выражение Дионисия ἄλλοι δ' – «другие [ср. авторы]» при упоминании одной и той

же части Океана, ст. 33). Больше всего названий у северной части Океана: Замерзшее, Мертвое или Кронийское море, что позволяет восстановить предполагаемые источники Дионисия для данного отрывка. Так, Пифей из Массалии (IV в. до н.э.), чьи данные сохранились в передаче Страбона, называет северную часть Океана «Замершим морем» (πετηγυῖα θάλαττα, Pyth. F 8a Bianchetti = Strabo. I. 4. 2 C 63). «Кронийское море» упоминается у Аполлония Родосского (Κρόνις ἄλς, Apoll. Rhod. IV. 327, 507–510: имеется в виду, однако, северная часть Адриатики) и в орфической «Аргонавтике» (IV в.) (ἔμπεσε (sc. Ἀργῷ) δ' Ὠκεανῷ, Κρόνιον δὲ ἐκκλήσκουσι / πόντον Ὑπερβόρειοι μέροτες, νεκρὴν τε θάλασσαν, Orph. Arg. 1081–1082). То же «Кронийское море» находим у географа Филемона – автора произведения о морях и островах Северной Европы, датируемого ок. I века, отрывок из которого дошел до нас в передаче Плиния Старшего (Plin. NH. IV. 95: mare Cronium). На мой взгляд, использование Дионисием столь позднего по времени источника маловероятно, поскольку Перизгет привлекал по преимуществу свидетельства авторов эллинистического и более раннего периода. В естественнонаучном сочинении «О лике, видимом в диске Луны» Плутарх связывает происхождение гидронима «Кронийское море» (Κρόνιος πέλαγος) с мифом, согласно которому Зевс поместил Кроноса на острове в море, названном его именем и находившемся в нескольких днях плавания к западу от Британии (Plut. De facie in orbe lunae 941a). В схолиях, как и в комментарии Евстафия Солунского (XII в.) к рассматриваемому отрывку Дионисия, приводится только параллель из Аполлония Родосского (IV. 327). Между тем контекст пассажа Дионисия напоминает скорее приведенный выше отрывок из орфической «Аргонавтики», в котором говорится не только о Кронийском, но и о Мертвом море. Название «Мертвое море» (с описанием характерного для северных областей сурового климата) встречаем вновь у Пифея (F 16 Bianchetti = Plin. NH. IV. 95: mortuum mare)¹⁰.

⁹ Начиная с Геродота юго-восточная часть Океана именуется Ἐρυθραῖον πόντος или Ἐρυθρὰ θάλασσα (Herod. II. 11, ср. II. 8; ср. Eratosth. F B 48 Berger = Strabo. XVI. 4. 2 C 767–768; Agathem. III. 14; Strabo. XVI. 3. 1 C 765; Ptol. Geogr. VI. 7. 8); это название носит также современное Аравийское (а не Красное) море; ср. Pind. Pyth. IV. 251; Aesch. F 192. 1 Radt. Об особенностях цветообозначения в греческом языке (например, в отношении гидронима «Красное море») см. Irwin 1974, 3–30; Dürbeck 1977, 1–58. К истолкованию названия «Эритрейское море» см. Черняк 2001, 156–163; Korenjak 2002, 220–221 (с примерами из римской поэзии времен Октавиана Августа и Ранней империи).

¹⁰ Ср. Diog. Oenoand. F. 21 Smith, который, как и Плиний Старший, имеет в виду Северный Океан или совр. Балтийское море, а не палестинское Мертвое море; подробнее см. Kappeler 1990, 7–18.

Разделение водного пространства на четыре части необычно для раннегреческой и эллинистической географической традиции. В более отчетливой форме этот принцип разделения находит выражение лишь в позднеримское время в «Космографии» Юлия Гонория (IV–V вв.). Разделив ойкумену на четыре части по Океанам и в соответствии со сторонами света, Гонорий перечисляет затем географические объекты в каждой из частей¹¹. Деление ойкумены на четыре сектора по Океанам предполагает по меньшей мере две диагонально пересекающиеся воображаемые линии, что заставляет вспомнить о традициях математической географии Эратосфена и Посидония¹². Однако, что касается Дионисия, можно говорить лишь об ограниченном использовании им вышеупомянутых приемов математической географии, поскольку он не отказывается от ориентированного на раннеионийскую географию деления мира на материки и описывает моря, страны и народы в соответствии с характерными для периплов и хорографических сочинений признаками.

Далее, по аналогии с четырьмя морями-частями Океана, Дионисий называет четыре крупных залива Океана (ст. 43–57)¹³: на западе Гесперийское море, протянувшееся от берегов Ливии до Памфилии, т.е. Средиземное море, на севере – залив, связывающий Океан с Каспийским, или – по другой традиции – Гирканским, морем, и, наконец, два залива на юге – Персидский и Аравийский, из которых первый расположен симметрично – дословно «напротив» (ἀντία), ст. 53 – по отношению к Каспийскому морю и лежит на том же меридиане; второй, Аравийский залив, находится южнее Евксинского Понта (совр. Черного моря) на одном с ним меридиане. Дионисий добавляет, что помимо этих четырех крупных заливов существует множество мелких заливов Океана (ст. 57).

Вслед за этим Дионисий приступает к перечню морей-заливов Гесперийского¹⁴, или Средиземного, моря, омывающего, по словам автора, все три материка. При этом поэт впервые обращается к Музе с риторической просьбой поведать об «извилистых путях» Средиземного моря (ст. 62). Свое описание Перизетгет начинает с западных окраин ойкумены, продвигаясь мысленно по региону Средиземного моря на восток, вплоть до Понта Евксинского и Меотиды (совр. Азовского моря). Обращает на себя внимание, что части водного пространства Средиземного моря Дионисий описывает по принципу перипла либо по отношению к (а) прибрежной части материка, населенной народом или племенем, либо к (б) острову, группе

¹¹ Ritschl 1842, 518–519; Kubitschek 1919, 304–305; Schweder 1903, 510. Одни исследователи связывают четырехчленное деление ойкумены по сторонам света с ветхозаветной традицией (в Книге пророка Даниила говорится о четырех властелинах мира – 7. 2–3; 7. 17; 8. 20–21), другие полагают, что античной географической традиции изначально было известно о делении ойкумены в соответствии с четырьмя сторонами света; в качестве аргументов приводятся свидетельства Полибия (II в. до н.э.) о сторонах света (III. 36. 6–7), Тимосфена Родосского (III в. до н.э.) – о розе ветров в передаче Агафемера (II. 6–7), а также сведения из «Хорографии» Помпония Мелы (I в.) и лексикона Стефана Византийского (VI в.) (s.v. ἡτταίρος). Подробнее см. Подосинов 2002, 106–111.

¹² Ср. *Strabo*. II. 5, 16 C 120: «При такой общей форме обитаемого мира представляется полезным взять две пересекающиеся под прямыми углами линии; одна из них пойдет через всю наибольшую длину, а другая – через наибольшую ширину обитаемого мира; первая линия будет одной из параллелей, вторая – одним из меридианов» (пер. Г.А. Страгановского).

¹³ При этом пассаж Дионисия о четырех крупных заливах Океана (ст. 43–57) почти дословно повторяет отрывок Страбона на эту тему (II. 5. 18. C 121). Оба автора исходят из представлений Эратосфена о крупных заливах как частях Океана.

¹⁴ По поводу большинства упомянутых Дионисием морей-частей Средиземноморья см. Burr 1932.

островов, мысу. При этом читатель без труда ориентируется в географическом пространстве Средиземноморья благодаря авторским «маркерам»; т.е. таким, например, выражениям как «от... вплоть до...», «рядом с...», «затем» и т.п.¹⁵

ОЧЕРТАНИЯ СУШИ И ЕЕ ДЕЛЕНИЕ НА МАТЕРИКИ

Дионисий пишет, что ойкумена представляет собой остров, окруженный Океаном, и по форме она «не совсем круглая, но вытянутая подобно праще в двух направлениях по ходу солнца» (ст. 5–6)¹⁶. Слова Дионисия об ойкумене в виде пращи, омываемой Океаном, свидетельствуют о том, что его картина мира сформировалась под влиянием раннеионийских географов или, скорее, их преемников и последователей, эллинистических ученых Эратосфена и Посидония¹⁷. Внешне уподобляя сушу форме пращи (σφενδώνη)¹⁸, Дионисий перенимает описанный Посидонием образ ойкумены (σφενδονοειδής, Posid. F 200a E.–K. = Agathem. I. 2)¹⁹. Если исходить из заимствований Дионисия из Эратосфена и Посидония, то можно предположить, что наш автор географической поэмы придерживался теории о шарообразности Земли (чему в его тексте находятся косвенные подтверждения)²⁰.

¹⁵ Подробнее см. в разделе о годологическом пространстве.

¹⁶ Агафемер (III–IV вв.), в передаче которого сохранились многочисленные свидетельства древнегреческих писателей, как и безымянный автор схолия к поэме Дионисия, сообщает, что первым, кто обратил внимание на вытянутую форму ойкумены, был Демокрит (GGM Müller II. 471 (1. 2); Schol. in Dion. Per. Müller II. 428 (A 7–10). Евдокс Книдский полагал, что длина ойкумены в два раза больше ее ширины. Влияния учения Евдокса о зонах испытал Аристотель, который обратил внимание на теорию шарообразной формы земли (Meteor. II 5 362b 11). Дикеарх Мессенский определил размеры земли в направлении с запада на восток. Позже эллинистические ученые – Эратосфен, Кратет Маллоский, Гиппарх и Посидоний Родосский – дополнили и развили тезис о растянутой форме ойкумены (Рожанский 1988, 175–213; Nicolet 1988, 92–99).

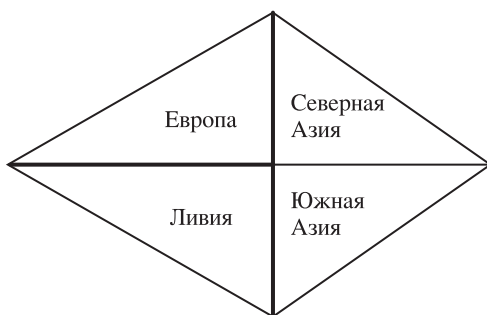
¹⁷ Ср. *Eratosth.* F II B 27 Berger = *Strabo.* II. 5. 5. С 112: «...в одном из этих четырехугольников (в каком, – по-видимому, безразлично), как мы утверждаем, лежит наш обитаемый мир, омываемый морем и похожий на остров» (пер. Г.А. Стратановского).

¹⁸ Словоупотребление σφενδώνη, выступающее в значении «праща», встречается уже в гомеровском эпосе (II. XIII. 600; 716); ср.: *Aesch.* Agam. 1010; *Eurip.* Phoen. 1142; *Aristoph.* Nub. 1125; *Thuc.* IV 32; *Plato.* Leg. VIII 834 A. Помимо этого, Евстафий Солунский в своем комментарии к перизегзе добавляет, что ради комического эффекта поэты использовали нередко однокоренное слово ὀλισθοσφενδώνη (*Eust.* ad Dion. Per. 7).

¹⁹ Göthe 1875, 8; Bernays 1905, 47–48; Berger 1880, 16; Tsavari 1990, 35.

²⁰ Так, при описании Египта Дионисий отмечает, что египтяне «первыми измерили небесный свод, [разделив его] по линиям и мысленно представив путь Солнца по наклонной» (ст. 236–237). В другом месте Дионисий пишет: «Если проложить путь дальше по Океану, / то ты на своем добротном корабле достигнешь острова Туле: / там солнце приближается к полюсу Медведиц [ср. к северному полюсу] / и постоянно ночью и днем льется сияющий вечный огонь; / затем солнце сворачивает на наклонную орбиту, / при этом его лучи проходят прямо по ниспадающей, / пока оно снова не пойдет по южному пути к Кианеям» (ст. 580–586). Таким образом, Дионисий приводит в поэтической форме сведения об орбитальном движении Солнца, о горизонте и описывает полярную ночь вблизи острова Туле, который лежит у арктического полярного круга. Используемая Дионисием специальная терминология указывает на его осведомленность в области математической географии (τραπέζιον – «трапеция», ст. 175; κόνοι – «конусы», ст. 277, 621; σχῆμα – «очертания», ст. 277, 620; ῥόμβος – «ромб», ст. 1131 и др.). Равным образом Дионисий ориентируется на поэтические образцы и придерживается манеры описательной географии, опуская специфическое и доступное лишь пониманию специалистов содержание.

Рис. 2. Три материка по сведениям Дионисия
Периэгета: Ливия, Европа и Азия

Следует признать, однако, что прямые указания на это отсутствуют, как и сведения о том, в каком именно полушарии Дионисий помещает ойкумену (рис. 2).

Дионисий разделяет всю сушу на три материка – Ливию, Европу, Азию – и придерживается тем самым наиболее распространенной в античности теории о трехчастном делении ойкумены. В гомеровском эпосе еще нет деления суши на материки; одно из первых делений круга земель на три части приписывается Гекатею Милетскому (FGrHist. 1. F 18a = Schol. Apoll. Rhod. IV. 257–262 b)²¹, – что, впрочем, не помешало Геродоту при изложении событий Греко-персидских войн (IV. 36) упомянуть лишь Европу и Азию. В Прологе к периегезе на первое место среди материков Дионисий ставит Ливию, затем Европу и Азию²², что расходится с традиционными представлениями античных географов: по величине и расположению Ливии обычно отводилось второе или даже третье место²³. Нельзя исключать и того, что привилегированное положение Ливии в поэме Дионисия обусловлено его ливийским, точнее – египетским происхождением²⁴.

Перечислив три материка, Дионисий сообщает о границах между ними и отмечает, что наряду с «островной теорией» (в соответствии с которой суша разделена по рекам) существует «континентальная теория» (согласно которой границами материков служат перешейки)²⁵. При трехчастном делении ойкумены, как пра-

²¹ По свидетельству Гекатея Милетского, аргонавты приплыли из колхидской реки Фасис в обтекающий ойкумену Океан, а оттуда достигли русла Нила, т.е. можно полагать, что Нил выполнял функцию водной границы между Ливией и Азией, а Фасис – между Азией и Европой. Подробнее см. Gisinger 1924, 554–555; Zimmermann 1999, 59–73, 187–189; Подосинов 2011, 346–347.

²² Такова же последовательность при перечислении трех материков у ряда античных авторов: *Hipparch.* F 10 Dicks (= *Strabo.* I. 3. 15. C 57); *Strabo.* II. 5. 26. C 126; *Mela.* I. 8; *Plut. Pomp.* 45, 7; *Schol. ad Dion. Per.* 1.

²³ Ливии отводят третье место после Европы и Азии: *Strabo.* II. 5. 26–33. C 126–131 (Европа, Азия, Ливия); III–X (Европа), XI–XVII. 2 (Азия), XVII. 3. 1–23. C 824–839 (Ливия); ср.: *Herod.* II. 16, 1; *Ps.-Arist.* De mund. 3, p. 393b–394b; *Plin.* NH. III. 3; *Dion Chrys.* IV. 49; *Aristid.* Or. XXVII. 32; *Cass. Dio.* XLVIII. 28. 4; Ливия занимает второе место: *Strabo.* XVII. 3. 24. C 839; *Agathem.* 10. GGM II. 474; *Euseb.* Vita Const. III. 7. 1; *Proc. Goth.* I 12; подробнее см. Zimmermann 1999, 67–73.

²⁴ Ср.: Ἰστέον δὲ ὅτι προτάττει τῶν ἄλλων τὴν Λιβύην καὶ νῦν καὶ ἐν τοῖς ἐξῆς, οὐ κατὰ τινα περιηγητικὴν ἀνάγκην, ἀλλὰ καὶ οἷα Λίβυς φιλῶν τὰ οἰκεῖα, καὶ οὕτω τὸ ἑαυτοῦ ἔθνος τῶν λοιπῶν προτιθέμενος – «Следует знать, что Ливию он [sc. Дионисий] сейчас и в дальнейшем помещает впереди других [sc. материков] вовсе не из-за требований периегетического описания, но лишь потому, что сам он – ливиец и настолько любит родину, что свой народ предпочитает всем остальным» (*Eust. ad Dion. Per.* 7).

²⁵ Ср. *Eratosth.* F II C 22 Berger = *Strabo.* I. 4. 7. C 65: «После этого он [sc. Эратосфен] отметил, что было много споров о материках и что одни ученые отделяют их реками – Нилом и Танаисом, считая материки островами, другие же разграничивают их перешейками – перешеек между Каспийским и Евксинским [Черным] морями и перешеек между Красным морем и Экрегмой – и признают их полуостровами...» (пер. Г.А. Стратановского).

вило, водной границей между Ливией и Европой было Средиземное море, Нил разграничивал Азию и Ливию, а Танаис (совр. Дон) – Азию и Европу²⁶. В соответствии же с «континентальной теорией» граница между Ливией и Азией проходила по перешейку, соединявшему Аравийское и Средиземное моря, а границей между Европой и Азией выступал горный хребет между Черным и Каспийским морями²⁷. В последующем изложении Дионисий придерживается «островной теории»²⁸.

ВОСПРИЯТИЕ ПРОСТРАНСТВА В ПОЭМЕ ДИОНИСИЯ ПЕРИЭГЕТА

Дав схематичное изображение общей картины мира, Дионисий детализирует внутреннее пространство ойкумены, тем самым структурируя обозначения стран, городов, народов, морей, гор и т.п. При этом Дионисий использует привычные уже для раннегреческих географических представлений приемы и формы описания пространства²⁹: с одной стороны, так называемый «взгляд сверху, или с высоты птичьего полета», с другой – обозначение маркирующих пунктов и условных «путей», вдоль которых размещаются географические объекты. Этот метод соотношения общего и частного пронизывает все уровни изображаемой Дионисием ойкумены и позволяет ему соединять «геометрический» (когда очертания материка или страны передаются с помощью сравнения с условными фигурами треугольников, ромбов и т.п.) и «хорографический» (когда перечисляются реки, горы, народы, страны и др.) способы описания. Кроме того, в поэме Дионисия представлены различные способы ориентации человека в пространстве, характерные для архаической эпохи: по небесным телам, по направлениям ветров, по сторонам света, с точки зрения воображаемого наблюдателя³⁰.

«ВЗГЛЯД С ВЫСОТЫ ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА»

Один из способов восприятия пространства включает в себя описание земной поверхности с «высоты птичьего полета» (так называемый «взгляд сверху»), когда наблюдатель, мысленно паря в высоте, созерцает ландшафтную среду³¹. В качестве примера обычно приводят гомеровский пассаж, в котором Зевс, находясь на вершине горы, сначала рассматривает с высоты троянцев, а затем долины фракийцев и

²⁶ Представление о Танаисе (ныне Дон) как пограничной реке между Европой и Азией сложилось в античной географии достаточно рано (ср. *Aesch. Prom. vinct.* 729–735; *Strabo. VII.* 4. 5. С 310; *Mela. I.* 15; *Plin. NH. III.* 3; *Arr. PPE.* 29; *Anon. PPE.* 42. 28; *Ptol. Geogr. III.* 5; *Oros. I.* 2. 5; *Amm. Marc. XXXI.* 2. 13; *Rav. Anon. II.* 20), хотя существовали и другие мнения относительно природных водных границ (ср. *Herod. IV.* 45: «...границы [sc. между Европой и Азией] установлены по колхидской реке Фасис – другие называют меотийскую реку Танаис и Киммерийские Переправы» (пер. И.А. Шишовой).

²⁷ К этому пассажи Дионисия (ст. 19–25) см. Lodesani 2011, 292–295.

²⁸ Так, например, считает Дионисий, когда упоминает о населении египетского города Пелусий (ныне Порт-Саид): οὐ μὲν ἐκεῖνοι / ἀνέρες ἐν Λιβύεσσιν ἀρίθμιοι ἢ γὰρ ἐς αὐτὰς / ἐπταπόρου Νεῖλοιο νενασμένον ἔλλαχον ἄστρ – «их, однако, не причисляют к ливийцам, поскольку они живут в городе [Пелусии], оказавшемся к востоку от семиугольного Нила» (ст. 262–264).

²⁹ О «некартографических» способах восприятия географического пространства в античности см. Подосинов 1978, 22–45; Brodersen 1995, 110–130.

³⁰ Ср. Подосинов 1999, 605–606.

³¹ Jacob 1982, 215–239; 1985, 83–107.

мисийцев (II. XIII. 1–6)³²; это своеобразное геовосприятие представлено в гомеровском эпосе в виде перспективного пространства с высотной точки зрения. Однако лишь начиная с эллинистического времени можно всерьез говорить об осознанном использовании античными поэтами приема «взгляд сверху». В качестве примера сошлюсь на пассаж из «Аргонавтики» Аполлония Родосского, когда перед взором летящего по небу Эрота открывается панорама морей, гор, рек и городов (III. 164–166). Подобное квази-картографическое описание с точки зрения парящего в небе божества, считает Д. Мейер, не выходит за рамки эпической традиции, в то время как изображение «с высоты птичьего полета» южнопонтийской реки Термодонт с ее 96-ю устьями (II. 972–984) опирается на сведения из специализированных пособий по географии³³. Сохранившийся фрагмент стихотворного эпиллия Эратосфена «Гермес» (F 16 Powell), в котором бог-покровитель путешественников рассматривает с небесных высот шарообразную Землю с пятью климатическими поясами, представляет собой еще одно описание «с высоты птичьего полета»³⁴. Стихи Эратосфена стали архетипической моделью для более поздних вариаций изображения Земли и ее климатических поясов в греко-римской дидактической поэзии³⁵.

Несмотря на то что традиционные божества и герои в качестве действующих персонажей эпоса отсутствуют в географической поэме Дионисия Перизгета, в «Описании ойкумены» присутствуют пассажи, содержащие ландшафтно-климатические изображения «с высоты птичьего полета». Благодаря этому авторскому приему объект рассмотрения – будь то местный регион, горный массив или населенный пункт и т.п. – предстает перед читателем в виде единого целого³⁶. Так, в самом начале поэмы дается изображение обитаемой суши, которая наподобие острова лежит в мировом Океане, разделена на три материка и по очертаниям напоминает пращу (ст. 4–9): такой схематизированный вид ойкумены возможен лишь в рамках восприятия «с высоты птичьего полета». Схожим образом представлен общий вид материков и отдельных стран, очертания которых сравниваются в поэме с геометрическими фигурами или – в дидактических целях ради наглядности – с общеизвестными образами³⁷. Эпилог поэмы, в котором Дионисий перечисляет климатические пояса Земли, различающиеся по окраске и природным особенностям (ст. 1175–1179), содержит явные аллюзии на упоминаемый выше стихотворный отрывок из эратосфеновского «Гермеса» (F 16 Powell). В данном

³² Иванчик 2005, 18–22; Schrijvers 2010, 150.

³³ Meyer 1998, 214, Anm. 101.

³⁴ CA (Powell) 58–63; см. также Berger 1903, 393–394, 398–399. По поводу эпиллия «Гермес» Эратосфена см. Eratosthenis 1872, с комментарием на латинском языке; Solmsen 1968, 203–224; Чистякова 1988, 130–131; Geus 2002, 110–128. О пяти климатических поясах, или зонах, Эратосфена см. в «Георгиках» Вергилия (I. 231–256); подробнее: Thomas 1986, 195–198.

³⁵ Cp. *Lucr. De rerum natura*. V. 204 sq.; *Verg. Georg. I.* 231–239 etc.; *Horat. Od. I.* 13. 17–24 etc.; *Ovid. Met. I.* 45–51; см. также Schrijvers 2010, 149–176.

³⁶ Византийский ученый и эрудит XII в. Евстафий Солунский в комментарии к «Описанию ойкумены» сравнил Дионисия Перизгета с мифическим Дедалом, который в полете по небу наставлял и обучал сына Икара; чуть ниже Евстафий сопоставил Дионисия с гомеровским Гермесом (ср. *Hom. II.* XXIV. 343–345 IV. 442; *Od. X.* 277), который, выступая в традиционной роли вестника богов, неоднократно облетал землю (*Eust. ad Dion. Per. epist. P.* 210 Müller).

³⁷ Подробнее о сопоставлении очертаний материков и стран с различными фигурами в поэме Дионисия Перизгета см. ниже.

случае обоих авторов, Эратосфена и Дионисия, объединяет используемый ими способ восприятия пространства, когда объект, например Земля, рассматривается словно со стороны и «сверху».

В своем обращении к читателю Дионисий обещает рассказать «о каждом из материков», чтобы тот «даже не видя их воочию, составил бы [о них] ясное представление»: *vûn δέ τοι ἡτείρου μυθήσομαι εἶδος ἀλάσης / ὄφρα καὶ οὐκ ἐσιδὼν περ ἔχοις εὐφραστον ὀπωλήν* (ст. 170–171). Словоупотребление *ὀπωλή* выступает здесь в значении, близком понятию «визуальное восприятие или представление», т.е. Дионисий тем самым имеет в виду литературное описание, способное с помощью приема «взгляд сверху» создать в воображении читателя четкий образ ойкумены³⁸.

Годологическое пространство, или взгляд по горизонтали

Описание пути

После того как Дионисий дал во вступлении общее представление о картине мира «сверху», он мысленно опускается вновь на землю и приступает к детальному описанию Океана, крупных заливов, Средиземного моря, материков и островов. При этом Дионисий последовательно перечисляет этногеографические объекты с точки зрения передвигающегося в пространстве субъекта, или наблюдателя, который ведет читателя по воображаемым «путям».

Принцип описания «пути» восходит к архаической форме восприятия географического пространства, когда взгляд наблюдателя направлен вперед и представляет горизонтальную линию³⁹. Следуя словесному описанию, читатель вместе с автором мысленно осуществляет движение вдоль условного «пути»⁴⁰. Этот годологический (от др.греч. *ἡ ὁδός* – «путь»)⁴¹ способ восприятия пространства включает в себя выбор определенного направления, обозначения начала и конца «пути», маркирующие пункты (устья рек, мысы, горные вершины и т.п.) на всем протяжении «пути»; в случае, если по какой-либо причине перечень географических объектов отступает в сторону от условной линии «пути», то последующее возвращение к изначально избранному «пути» – неизбежно⁴². Одно из наиболее ранних описаний

³⁸ Schneider 1882, 36; Fruhwirth 1990, 90.

³⁹ См. подробно: Paassen 1957; Подосинов 1978, 34–35; Janni 1984; Prontera 1984, 189–256; Janni 1998, 41–54; Brodersen 1995; Gehrke 1998, 163–192.

⁴⁰ В контексте поэмы Дионисия понятие «путь» не имеет строгого терминологического значения – для этого Дионисий использует разнообразную лексику раннегреческого эпоса (см. Ebeling 1880–1885, s.v. *ἡ κέλευθος*). Кроме того, лексема «путь» (*πόρος, κέλευθος*) в тексте «Описания ойкумены» иногда употребляется независимо от вышеприведенной семантики и служит, например, для указаний на движение Солнца (*πρὸς ἡέλιου κελεύθους*, ст. 6), на стороны света (*ἐξείης δὲ πόροιο πρὸς αὐγὰς ἡέλιου*, ст. 487), на опасный для плавания судов Сицилийский (ныне Мессенский) пролив (*ὅλοῃ ναύτησι κέλευθος*, ст. 473), на левое – по ходу плывущего корабля – Адриатическое побережье (*ἀλλ' ὅπ' ὅτ' Ἀδριάδος σκαῖον πόρον ἀμφιτρίτης εἰσελάσης ἐπὶ νῆος*, ст. 481), на звездные пути (*αἰθερίων ὁδὸς ἄστρων*, ст. 717) или на Нисейскую тропу вблизи индийского Ганга, которая ведет к Столпам Диониса на восточном краю Океана (*Νυσσάην κέλευθον*, ст. 1159).

⁴¹ Впервые термин «годологический», уточняющий понятие «направление», был введен в научный оборот немецким психологом К. Левиным (1934, 249–299), а значительно позже был использован – в более узком специальном смысле – в книге П. Янни (1984), посвященной анализу географических описаний в античности.

⁴² Janni 1984, 13–14, 79–90; Brodersen 2004, 111–126.

«пути» содержится в пассаже «Илиады», где рассказано о том, как богиня Гера, покинув вершины Олимпа, пролетела над холмами Пиерии, долинами Эмафии, снежными горами Фракии и, наконец, спустившись с Афона, достигла острова Лемноса (II. XIV. 225–230). Гомер упоминает не только о начальной и конечной точках маршрута богини, но и обозначает ряд маркирующих пунктов⁴³.

Дионисий начинает описание каждого нового «пути» от крайней западной точки. Так, после Геракловых Столпов, расположенных у Океана (ст. 29 сл.), следуют Средиземное море (ст. 64 сл.), Ливия (ст. 184 сл.), северная часть Европы (ст. 281 сл.) и Южная Европа (ст. 331 сл.), острова Средиземноморья (ст. 450 сл.) и острова в Океане (ст. 555 сл.). Описание Азии начинается с крайней западной точки этого материка, что приходится на Меотийское озеро и устье Танаиса (ст. 652 сл.). Протянувшаяся с запада на восток горная цепь Тавра разграничивает Азию на северную (ст. 620–880) и южную части (ст. 881–1079), совпадая с маршрутом одного из «путей»; географические объекты вдоль «пути» в восточном регионе Азии описываются Дионисием отдельно (ст. 1080–1165).

Помимо маркирующих пунктов описание «пути» по побережью или во внутренних областях суши содержит этногеографические сведения о локализации местных племен и народов. Описание морского «пути», как, например, по Средиземноморью, поделено у Дионисия на три части: «путь» от Сицилии – в северо-восточном направлении – до Адриатики (ст. 91 сл.), затем на юг – к Сиртам (ст. 103 сл.) и на восток – вплоть до Крита (ст. 109 сл.). От Крита Дионисий проложил один «путь» по направлению к горе Касий, которая находится к востоку от устья Нила (ст. 115 сл.), а другой «путь» – в направлении Патарских скал в малоазийской Ликий (ст. 117 сл.). От Патарского мыса «путь» Дионисия ведет к острову Тенедос, лежащему вблизи пролива Геллеспонт (ст. 130 сл.), откуда «путь» протянулся вплоть до черноморской Меотиды (ст. 135 сл.).

Описание «пути» по Ливии берет начало на западе у Геракловых Столпов: маршрут следует по северному побережью Ливии до заливов Большой и Малый Сирты (ст. 184 сл.), затем, согласно направлению «пути», повествование переносится во внутренние области Ливии (ст. 211 сл.) и завершается рассказом о «пути» с юга на север вдоль Нила (ст. 222 сл.); отдельный пассаж посвящен описанию Египта, его городов и достопримечательностей (ст. 232 сл.). Схожим образом несколько «путей» пронизывают Европу: один ведет на север от Геракловых Столпов (ст. 281 сл.), другой – вдоль Альпийской горной гряды (ст. 294 сл.); далее два «пути» – на север от Истра (ст. 302 сл.) и на юг от Истра (ст. 321 сл.), с перечислением живущих там народов. И, наконец, средиземноморский «путь», протянувшийся от Геракловых Столпов до Геллеспонта и включающий в себя детальное описание трех полуостровов – Пиренейского, Апеннинского и Балканского (ст. 331 сл.). «Священный» путь (ἱερός λόρος, ст. 448) объединяет острова Средиземного моря и Евксинского Понта, которые играли заметную роль в развитии мореплавания (ст. 448 сл.). Острова в Океане перечисляются по часовой стрелке в направлении с запада на восток и составляют отдельный список (ст. 555 сл.).

Описание «пути» по Северной Азии Дионисий начинает с перипла Меотиды (т.е. самого западного пункта в азиатской части ойкумены) (ст. 652 сл.), потом он мысленно идет вдоль кавказского побережья Понта – вплоть до перешейка, который соединяет Черное море с Каспийским (ст. 680 сл.); перипл Каспийского моря (ст. 718 сл.) сменяется описанием южного побережья Понта в направлении с восто-

⁴³ Ср. Gehrke 1998, 165.

ка на запад (ст. 762 сл.). Два других «пути» содержат описания Малой (ст. 799 сл.) и Южной Азии (ст. 881 сл.); южный «путь» по Азии лежит через Сирию, Аравию и Месопотамию, достигает Каспийских Ворот и ведет в Персию (ст. 1053 сл.). Один из «путей» Восточной Азии берет начало в Кармании и следует в направлении реки Инд, откуда ведет к Столпам Диониса на восточном побережье Индии (ст. 1080 сл.). Таким образом, с помощью условных «путей», связующих топографические (города, устья рек, горы, мысы и т.д.), этнические (народы, племена) и сакральные объекты (святилища, храмы, могильные курганы), формировалась в античности структура этногеографического пространства.

Измерение расстояний в днях пути

В рамках годологической традиции Дионисий дважды приводит сведения, касающиеся величины расстояний между географическими объектами, выраженных в днях пути. Расстояния указаны (1) в днях пути морского плавания и (2) в днях пути по суше. Так, например, Дионисий отмечает, что расстояние между лежащими в Черном море напротив друг друга мысами Карамбис (на южном побережье) и Криуметопон (в совр. Крыму) грузовое судно преодолевает за три дня морского плавания: αἴτ' ἄμφω συνίασιν ἐναντίαί, οὐ μὲν ἐοῦσαι / ἔγγυθεν, ἀλλ' ὅσον ὀλκάς ἐπὶ τρίτον ἡμᾶρ ἀνύσσαι – «оба эти мыса [sc. Карамбис и Криуметопон] расположены друг от друга на таком расстоянии, какое грузовое судно прошло бы за три дня» (ст. 154–155).

Подобные маршрутные данные античных источников носят по преимуществу субъективный характер и поэтому весьма приблизительны⁴⁴. Редкое использование подобных сведений в поэме подчеркнуто автором сухой формулировкой, которую Дионисий мог позаимствовать, например, напрямую из не известного нам перипла. Следующий пассаж, содержащий сведения о расстоянии в днях пути по суше между реками Тигр и Евфрат, отличается от приведенного выше риторически преувеличенной окраской: τόσσον ἄνευθεν ἑὼν, ὅσον ἐβδόμον ἡμᾶρ ὀδεύσας / ἴφθιμος καὶ κραπνὸς ἀνὴρ ἀνύσειεν ὁδίτης – «[Тигр несет свой поток] настолько далеко [от Евфрата], что самый быстрый и выносливый путешественник сможет завершить [этот путь лишь] на седьмой день» (ст. 985–986). Показательно, что в данном случае Дионисий использует характерную для раннего эпоса лексику и число «семь» в риторическом смысле, означающем, что речь идет об очень большом расстоянии. Словосочетание ἄνευθεν ἑὼν⁴⁵, так же как и существительное ὁδίτης – «путешественник»⁴⁶, и прилагательные ἴφθιμος – «выносливый»⁴⁷, и κραπνός – «быстрый» неоднократно встречаются в гомеровском эпосе. При этом эпитет κραπνός – «быстрый» нередко входит в состав гомеровских формул (в пе-

⁴⁴ Ср. *Herod.* I. 72, 103; III. 26; IV. 181 sq., 107 sq.; V. 49, 108; *Ps.-Scymn.* F 28 Marcotte: [...] ἀπὸ Καραμβέως πλοῦν νυχθήμερον – «[sc. Криуметопон] лежит от Карамбиса на расстоянии ночи и дня пути». Подробнее см. Gehrke 1998, 183.

⁴⁵ II. II 27, 64; XXIV. 174; ср. IV. 277: ἄνευθεν ἐόντι; XXIII. 452: ἄνευθεν ἐόντος.

⁴⁶ Ср.: ἄνθρωπος ὁδίτης (*Hom.* II. XVI. 263), что соответствует ἀνὴρ ... ὁδίτης (*Dion.* Per. 986); только ὁδίτης у Гомера: *Od.* VII. 204; XI. 127; XXIII. 274.

⁴⁷ Ср. употребление прилагательного ἴφθιμος в начале стиха у Гомера (II. V. 415, 675, 695; VIII. 114; XI. 290; XII. 376; XV. 547; XXIII. 511) и у Гесиода (*Theog.* 455, 768, 774, 987; F 22. 7 M.-W.). Ср. также: ἄνδρα... ἴφθιμον (*Hesiod.* *Erga.* 704), что соответствует ἴφθιμος ἀνὴρ (*Dion.* Per. 986).

реводе Н.И. Гнедича: «надежный на быстрые ноги» и «быстрые послы»)⁴⁸. Данные параллели подчеркивают впечатление, что достоверность цифровых свидетельств в данном случае сомнительна: усилия Дионисия направлены прежде всего на то, чтобы с помощью поэтических средств вызвать у читателя впечатление о чрезвычайно большом расстоянии, разделяющем русла двух рек – Тигра и Евфрата. Иными словами, Дионисий ориентируется здесь, скорее всего, на эпическую, а не на географическую традицию.

Хотелось бы обратить внимание еще на один пассаж из поэмы Дионисия, в котором размеры Каспийского моря указаны не в днях морского плавания, а в циклах Луны: ἀλλ' εἴη τοι σχῆμα περίτροχον, ἀμφιελικτόν, / πάσης Κασπίης μεγάλης ἁλός· οὐκ ἂν ἐκείνην / νηὶ περήσειας τριτάτης ἐπὶ κύκλα σελήνης / τόσος γὰρ πόρος ἐστὶν ἀμείλιχος – «Очертания всего огромного Каспийского моря подобны вытянутой в двух направлениях окружности; его [sc. море] не оплывешь на корабле и за три лунных цикла – столь велик этот путь» (ст. 718–721). В этом пассаже говорится не об окружности Каспийского моря⁴⁹, но о протяженности его морского побережья, которое, по словам Дионисия, невозможно оплыть даже в течение двух месяцев («за три лунных цикла» – с упоминанием риторического числа «три»)⁵⁰. Кроме того, Дионисий поэтически обыгрывает здесь лунообразную форму Каспийского моря⁵¹.

Ориентация в пространстве

Местоположение объектов географического описания определялось в античности с помощью естественных ориентиров окружающей среды – небесных созвездий, направлений ветров, рек, гор и т.д., рассматриваемых, как правило, с точки зрения неподвижного или передвигающегося в пространстве наблюдателя (не столь важно, реального или воображаемого)⁵². В поэме Дионисия используются характерные для архаической эпохи способы пространственного восприятия – ориентация по ветрам и сторонам света, небесным светилам и созвездиям, а также обозначения «правый–левый» с точки зрения воображаемого наблюдателя.

⁴⁸ ποσὶ κραίπνοισι: *Hom.* II. VI. 505; XVII. 190; XXI. 247; XXII. 138; XXIII. 749 (ποσσὶ κ.); Od. XIV. 33; κραίπνᾱ ποσὶ: *Hom.* II. XIII. 18; Od. XVII. 27; ποσὶ κραίπνω – *Hom.* Od. VIII 247; πομπλοῖσιν ἅμα κραίπνοισι φέρεσθαι – *Hom.* II. XVI. 671, 681.

⁴⁹ Ср. свидетельство Геродота о размерах Каспийского моря в днях плавания и его замкнутости: Ἦ δὲ Κασπίη ἐστὶ ἐτέρῃ ἐπ' ἐωυτῆς, ἐοῦσα μῆκος μὲν πλόου εἰρεσίῃ χρεωμένῳ πεντεκαίδεκα ἡμερέων, εὐρος δὲ, τῇ εὐρυτάτῃ ἐστὶ αὐτῇ ἐωυτῆς, ὅκτῳ ἡμερέων – «А Каспийское море – другое, оно существует само по себе, имея в длину пятнадцать дней плавания, если пользоваться весельным судном, а в ширину – в самой широкой его части – восемь дней плавания» (*Herod.* I. 203; пер. И.А. Шишовой). К сожалению, Геродот не сообщает, насколько вытянут Каспий в северном или южном направлении, а также с запада на восток в пространственных единицах. В отличие от Геродота раннеионийские географы, в частности Гекатей Милетский, полагали, что Каспийское море незамкнуто и представляет собой залив Океана. Подробнее см. Доватур, Каллистов, Шишова 1982, 186.

⁵⁰ Аналогичное толкование словоупотребления Дионисия Перизегета оставил византийский комментатор XII в. Евстафий Солунский (ad *Dion. Per.* 721).

⁵¹ Ряд античных авторов сообщают о схематических очертаниях Каспийского моря – или в виде полумесяца, или наподобие перевернутого гриба (*Strabo.* XI. 6. 2; 7. 1. С 507–508; *Plin.* NH. VI. 38; *Curt. Ruf.* VI. 4. 16); см. также Hertmann 1919, 2284; Муравьев 1988, 235–247.

⁵² Ср. Подосинов 1999, 596–604.

Один из способов восприятия географического пространства включает в себя ориентацию по ветрам и сторонам света⁵³. Указания на них в поэме Дионисия определяют местоположение очередного географического объекта⁵⁴: ἄλλας δ' Ὠκεανοῖο περὶ ῥόος ἐστεφάνωται / τάων δ' ἂν περίσημον ἐγὼ θέσιν ἐξενέλοιμι / ὀπλοτέρου τ' ἀνέμοιο παρὰ σφυρόν ἐστιν ἐκάστη – «Поток Океана окружает и другие [острова]. Я опишу их расположение и [то], какому направлению ветра каждый из [островов] соответствует» (ст. 555–557); Ἴστρος / αὐτός, ἐς ἀντολίην τετραμμένος ἄχρι θαλάσσης / Εὐξείνου – «тот самый Истр, текущий на восток вплоть до Евксинского моря» (ст. 298–300).

При этом важная роль отводится позиции наблюдателя, с точки зрения которого воспринимается окружающее пространство: ἡ μία δ' εἰς ἄνεμον τεκμαίρεται ὁλκὸν ἐκάστη / Τυρρηνὴν ζέφυρον, Σικελὴ νότον, Ἀδριαὺς εὖρον – «каждое море соответствует направлению ветра: Тирренское – зефиру [западному ветру], Сицилийское – ноту [южному ветру], Адриатическое – эвру [юго-восточному ветру]» (ст. 101–102); [...] ἄνεμον δέ τοι ἔλλαχ' ἐκάστη / ἐσπέριον Σικελή, τὸν τε ζέφυρον καλέουσιν / Αἰγαίη δ' εὖρον – «[положение] каждого [из двух морей] соответствует [направлению] ветра: Сицилийское [море] – западному, который называют зефиром, Эгейское – эвру [т.е. юго-восточному ветру]» (ст. 401–402); (...) ἄνεμον δέ τοι ἔλλαχ' ἐκάστη / Ἀραβίην ζέφυρον, Περσὶς δ' εὖροιο κελεύθους – «каждое [из морей] соответствует [направлению] ветра: Аравийское – зефиру [западному], Персидское – эвру [юго-восточному]» (ст. 929–930).

Таким образом, основываясь на направлении ветра, Дионисий определяет географическое положение каждого из морей относительно материка или страны: что касается *первого* примера, то воображаемый наблюдатель находится, по всей видимости, в Италии, *второго* – в Греции, а *третьего* – в Счастливой Аравии. Уже приверженцы раннеионийской географии способны были локализовать географические объекты с помощью четырех сторон света⁵⁵. Более того, названия сторон света, обозначая, как и названия ветров, пространственные признаки, выполняли важную функцию упорядочивания общей картины мира – особенно в тех случаях, когда схема перипла оказывалась несостоятельной: например, при перечислении племен в удаленных от морского побережья областях⁵⁶. Связь различных способов пространственной ориентации – в том числе и ориентации по ветрам – со сторонами света содействовала становлению структуры пространства и обеспечивала относительную полноту сведений об окружающем мире⁵⁷.

В поэме Дионисия встречаются примеры, когда названия ветров совпадают с названиями сторон света, т.е. становятся ориентирочными пунктами: ἀλλ' ἦτοι

⁵³ Tallqvist 1928, 106–107, 110–115.

⁵⁴ В поэтической лексике Дионисия с названиями ветров и сторон света используются предлоги для передачи пространственных значений, например: πρὸς βορέην / νότον, ἐς βορέην / νότον, ἐπὶ ζέφυρον. Пространственные значения могут передаваться также наречиями: βορέηθεν – «от самого севера» (ст. 79), βορέηνδε – «на север, (соответственно) напротив севера» (ст. 137, 438, 609, 785), ἀντολίηνδε – «на восток, (соответственно) напротив востока» (ст. 260, 506, 739, 931).

⁵⁵ Ср., например, у Гекатея Милетского: FGrHist 1 F 100 (πρὸς βορέω), 144 (πρὸς μὲν νότον), 203 (πρὸς νότον) и др.

⁵⁶ См. подробнее: Fritz 1967, 52 ff.; Keßler 1977, 1213–1215; Podossinov 1991, 233–286.

⁵⁷ Gehrke 1998, 185.

Λιλύβη μὲν ἐπὶ ῥίπην ζεφύροιο / εἰσανέχει – «мыс Лилибей высится в направлении порывистого зефира [западного ветра]» (ст. 470–471) – иными словами, мыс Лилибей расположен на западной оконечности Сицилии; αὐτὰρ ὑπὲρ Βαβυλώνος ἐπὶ πνοίην βορέαο / Κισσοὶ Μεσσαβάται τε Χαλωνῖται τε νέμονται – «далее выше Вавилона, в направлении дыхания Борея [северного ветра], обитают киссии, мессабаты и халониты» (ст. 1014–1015), т.е. речь идет о том, что упомянутые племена населяют территорию к северу от Вавилона.

В одном из пассажей поэмы русла рек, берущие начало в горах Тавра, соответствуют как основным направлениям ветров, так и направлениям сторон света: ἐκ τοῦ ἀπειρέσιοι ποταμοὶ καναχηδὰ ῥέουσιν / οἱ μὲν πρὸς βορέην, οἱ δ' ἐς νότον, οἱ δ' ἐπὶ ῥίπην / εὖρον καὶ ζεφύροιο – «с него [sc.Тавра] ниспадают с грохотом бесчисленные реки, одни из которых – по направлению к борею [северу], другие – к ноту [югу], третьи – в направлении порывистого эвра [к востоку] и зефира [на запад]» (ст. 644–646).

Любопытно, что в данном случае Дионисий привел не конкретные географические сведения, а, возможно, идущие еще от раннеионийских географов представления, что из горных областей Тавра можно двигаться по ойкумене водным путем в северном, южном, восточном и западном направлениях. Иными словами, в архаическом мире, поделенном на четверти (север, юг, восток, запад), движение мыслилось лишь в пределах одной из четвертей и в соответствии с их названиями.

В последующем примере внимание уделено не менее важному элементу раннеионийской ориентационной системы, нашедшей отражение в поэме Дионисия, а именно – откуда дует ветер⁵⁸: (...) ἀλκήεντες Ἀχαιοί, / οὓς ποτ' ἀπὸ Ξάνθοιο καὶ Ἰδαίου Σιμόεντος / πνοαὶ νοσφίσσαντο νότοιο τε καὶ ζεφύροιο / ἐσπομένους μετὰ δῆριν Ἀρητιάδῃ βασιλῇ – «могучие ахейцы, которых некогда порывами нота и зефира унесло от берегов Ксанфа и Идийского Симоента, когда они следовали с войны за царем Аретиадом» (ст. 682–685), т.е. здесь говорится о юго-западном ветре, который дует от Трои в сторону восточного побережья Понта.

Сложнее выглядит другой пассаж, в котором Дионисий употребляет название ветра в качестве обозначения направления: Δοιαὶ δ' ἐξείης πρὸτέρω φρίσσουσι θάλασσαι / Ἰσμαρικοῦ πνοίῃσιν ἐλαυνόμεναι βορέαο / Ὀρθὸν φυσίωντος, ἐπεὶ κατεναντία κεῖται – «Рядом еще два моря, волнуемых прямо дующим Исмарским бореом [северным ветром], поскольку моря располагаются друг против друга»⁵⁹ (ст. 112–114).

Уточняющее прилагательное «исмарский» (от названия фракийского города Исмар) указывает на конкретную географическую точку, откуда северный ветер дует в направлении Фаросского и Сидонского морей, т.е. в южном направлении. Наречие ὀρθόν – «прямо» дополняет характеристику «исмарского борея» и представляет направление ветра словно воображаемую линию меридиана⁶⁰: на северной

⁵⁸ Ср., например: Heilen 2000, 48.

⁵⁹ В одной из наиболее ранних рукописей «Описания ойкумены» X в. – Paris. Suppl. gr. 388 – глагол κεῖται (per figuram Pindaricam) стоит в конце стиха и употребляется в форме единственного числа, хотя в большинстве сохранившихся рукописей используется κεῖνται в форме множественного числа; подробнее см. Tsavari 1990, 42.

⁶⁰ Ряд примеров с наречием ὀρθόν в поэме Дионисия указывают на схожее обозначение воображаемого меридиана (ст. 114, 167, 313, 341 – всегда в начале стиха, ст. 1090 – в конце стиха, ср. ст. 641: ὀρθότατον – в отношении горного хребта Тавра, протянувшегося с запада на восток в качестве воображаемой линии параллели).

оконечности «прямой» линии расположен фракийский город Исмар, а на южной – Фаросское и Сидонское моря.

Дионисий перенимает названия четырех известных уже по Гомеру ветров – борея, зефира, нота, эвра – и, следуя эпической технике, использует их с лексемами πνοή – «дуновение» (Βορέας, ст. 113, 1014; νότοιο τε καὶ ζεφύριο, ст. 684), ῥιπή – «удар» (ζεφύριο, ст. 429, 470, 962, εὔρου καὶ ζεφύριο, ст. 645) и ἄνεμος – «ветер» (ст. 101, 401, 557, 929)⁶¹. Таким образом, прибегая к архаическому способу ориентации посредством направлений четырех ветров, Дионисий придает географической поэме колорит старины.

Помимо основных четырех ветров, Дионисий дважды упоминает либ – юго-западный ветер, дующий из Ливии и по большей части известный из сочинений античных прозаиков или из специальной литературы по метеорологии⁶²: ἐς λίβα μὲν Λιβύην, ἐς δ' αὐγὰς Ἀσίδα γαῖαν – «в направлении либа, т.е. на западе [от Нила] – Ливия, а на востоке [от Нила] – Азия» (ст. 231). В данном случае либ обозначает западное направление в противовес восточному относительно Нила, который в качестве водной границы разделяет материки Ливию и Азию. Противопоставление запад–восток напоминает на первый взгляд розу ветров, по которой ветры рассматриваются находящимся в ее центре воображаемым наблюдателем⁶³. Однако Дионисий «опускает» восточный ветер, используя вместо того лексему «утренняя заря»; кроме того, ветры не встречаются в центре, но дуют от него, что не позволяет говорить о розе ветров в перизегзе.

Второй раз упоминание либа встречается в описании Азии, выполненного с высоты птичьего полета, а конкретнее – при описании Каспийского моря: ἐς βορέην ὁρώντα καὶ εἰς λίβα γείτονα πόντου / Εὐξείνου – «[Каспий] течет [в направлении] на север и либ [запад] и соседствует с Понтом Евксинским» (ст. 634–635). Локализуя Каспийское море, Дионисий привычно совмещает названия ветров (борей и либ) с функциями соответствующих сторон света (север и запад). Либ в данном случае указывает на ближайший к Черному морю регион Прикаспия.

Географическая ориентация по небесным светилам

Для обозначения сторон света Дионисий Перизетгет использует выражения, связанные с движением Солнца⁶⁴. В качестве ориентира восточного направления в поэме обычно употребляются такие словосочетания как ἐπ' ἡῷ (ст. 243) или πρὸς ἡῷ – «по направлению к востоку» (ст. 332, 421); πρὸς ἀντολίην τε καὶ ἡῷ – «[двигаясь] с восходом солнца и на восток» (ст. 437); ἐπ' / ἐς ἀντολίην «против восхода солнца /

⁶¹ Ср. πνοὴ Βορέας (*Hom.* II. V. 697; *Od.* X. 507); πνοὴ Ζεφύριο (*Hom.* II. XIX. 415; *Od.* IV. 402); πνοαὶ παντοίων ἀνέμων (*Hom.* II. XVII. 55); ῥιπή Βορέας (*Hom.* II. XV. 171; XIX. 358); πνοῆς ἀνέμοιο (*Hom.* II. XII. 207; *Od.* II. 148) и др.

⁶² Греческий либ, или латинский африк (*Africus*), – см., например: *Herod.* II. 25; *Arist. Meteor.* 364b 2; *Polyb.* X. 10. 3 и др.; *Sen.* NQ. V. 16. 5; *Plin.* NH. II. 46 и др.

⁶³ Lasserre 1975, 1379.

⁶⁴ Подобное словоупотребление характерно для раннеионийских географов, в частности, для Гекатея Милетского: в дошедших отрывках из его произведений встречаются, к примеру, следующие устойчивые выражения: πρὸς ἥλιον ἀνίσχοντα (*Hecate.* FGrHist. 1. F 204, 207, 292 a, 292 b), ἀπὸ δύσιος (F 217), πρὸς μεσημβρίας / -αν (F 108, 163). Аналогичный состав специфической лексики предоставляет и Геродот (подробнее см. Rehm 1916, 28). Схожее словоупотребление можно встретить уже в гомеровских текстах, например: πρὸς ἡῷ τ' ἡέλιόν τε / (*Hom.* II. XII. 239; *Od.* IX. 26; XIII. 240); πρὸς ζόφον (*Hom.* *Od.* IX. 26).

по направлению к восходу солнца» (ст. 110, 419 и др.); *πρὸς/ἐς/εἰς/ἐπ' αὐγάς* – «к раннему восходу [солнца] / по направлению к раннему восходу» (ст. 199, 231, 384, 894 и др.); *πρὸς αὐγάς ἡελίοιο* – «навстречу лучам восходящего солнца» (ст. 84, 487, 970). Западное направление обозначается в поэме с помощью следующих формульных выражений: *πρὸς ζόφον* – «в сторону заката» (ст. 421, 500); *πρὸς ἐσπερίην* – «в сторону вечера» (ст. 813); *ἐς δύσιν* – «к заходу солнца» (ст. 662, 762, 879). Чтобы указать северное направление, Дионисий использует традиционное название созвездия Большой Медведицы, «Аркты»: *ἐπ' ἄρκτοις* – «[по отношению] к Арктам [т.е. к северу]» (ст. 130); *μετ' ἄρκτους, ἐπ' ἄρκτους* – «[по направлению] к Арктам» (ст. 271, 471, 721); *ὑπ' ἄρκτους* – «под Арктами [т.е. на севере]» (ст. 1066); *ἐς πόλον ἄρκτων* – «к полюсу Арктов» (ст. 582, 1134)⁶⁵. Помимо этого для выражения направлений использовались поэтические словосочетания, обозначающие движение солнца по эклиптике, например: *πρὸς ἡελίοιο κελεύθους* – «по ходу солнца [т.е. по линии восток – запад]» (ст. 6); *ἐπὶ κλίσιν ἡελίοιο* – «по заходу солнца [т.е. в западном направлении]» (ст. 1095); ср. также: *ἄντην ἡελίοιο* – «против [хода] солнца» (ст. 980); *ὑπ' ἡελίῳ ἀνιόντι* – «под восходящим солнцем [т.е. на востоке]» (ст. 1083).

Из некоторых примеров становится ясным: Дионисий Перизетт согласует элементы архаической системы ориентации по небесным светилам со специальной научной лексикой (*ἐπὶ κλίσιν ἡελίοιο* – «по заходу солнца [т.е. в западном направлении]» (ст. 1095), *ἐς πόλον ἄρκτων* – «к полюсу Арктов» (ст. 582, 1134), что встречается в древнегреческих научных текстах со времени раннеионийских географов⁶⁶. С одной стороны, это указывает на разнородный и разновременный характер источников Дионисия, с другой – свидетельствует о том, что предпочтения поэта лежали, скорее всего, в эстетической сфере обработки материала. К подобным специфическим примерам относится пассаж, в котором говорится о местоположении острова Тапробана под тропиком Рака: *ἥς ὑπερ, οὐρανίησιν ἀειρόμενος στροφάλιγξι / δινεῖται κατὰ κύκλον ἐν αἰθέρι Καρκίνος αἰθρῶ* – «Над ним [*sc.* над островом Тапробана] высоко в небесном эфире кругообразно движется по путям яркогорящее созвездие Рака» (ст. 594–595). В данном случае умозрительная линия тропика выполняет функцию координат, определяющих расположение острова и, кроме того, выступает, возможно, в качестве границы мировой суши и Океана. Нельзя исключать и того, что упомянутое Дионисием созвездие Рака указывает на знакомство Перизетта с климатическими зонами Эратосфена – тропик Рака разграничивал «жаркую» зону и зону умеренного «климата»⁶⁷.

Используемые Дионисием разнообразные способы выражения направлений, заменяющие астрономические названия сторон света – север, юг, восток, запад, – одновременно демонстрируют высокий уровень стихотворного мастерства и знакомство с поэтическим наследием предшественников.

Понятия правое–левое (с точки зрения воображаемого наблюдателя)

Одна из распространенных в древности разновидностей ориентации в пространстве – описание географических объектов с точки зрения человека, наблюдающего их с плывущего корабля. В аналогичных примерах у Дионисия Перизетта обычно присутствуют словоупотребления «правое–левое», а также прямые или косвенные

⁶⁵ О специфическом использовании предлогов в пространственном значении см. подробнее: Mommsen 1895; Подосинов 1976.

⁶⁶ См., например: Krafft 1971, 168–199.

⁶⁷ См. Abel 1974, 989–1188.

указания на ориентированного определенным образом наблюдателя⁶⁸: δισσὰς δ' ἡπείρους ἐπερεύεται· ἐς μὲν ἰόντι / δεξιτερὴν κατὰ χεῖρα φαίνεται Ἰλλυρίς αἶα / Δελματίη δ' ἐφύπερθεν, ἐνυαλίων πέδον ἀνδρῶν· / σκαίῃ δ' Αὐσονίων παραπέτταται ἄπλετος ἰσθμός / πουλυτενῆς – «Оно [sc. Ионийское море] омывает две земли: для входящего в него по правую руку оказывается Иллирийская земля, выше – Далматия, край воинственных мужей; по левую руку лежит несказанно огромный Авсонийский полуостров» (ст. 95–99); Εὐρώπης δ' αἱ μὲν λαίης ὑπὸ νεύματι χειρὸς / Ῥῶονθ' ἐξείης, Ἀσίης δ' ἐπὶ δεξιὰ κείνται / Μῆκος ἐπ' ἀρκτῷοιο τिताινόμεναι βορέαιο – «К Европе [относятся] те [острова], что появляются один за другим по левую руку от входящего [в пролив Геллеспонт], а к Азии – те [острова], что лежат по правую руку, протянувшись до севера» (ст. 517–519).

В первом примере обращает на себя внимание оборот «по правую руку [наблюдателя]» (ст. 96), который подчеркивает субъективный характер словесного описания – относительно плывущего на корабле человека. Кроме того, Дионисий использует общепринятую для античных географов практику делить побережье Евксинского Понта на левое и правое с точки зрения входящего на корабле в Понт из Боспора Фракийского⁶⁹. Левая сторона при этом обычно соотносилась с северо-западным побережьем Черного моря, а правая – с юго-восточным, что предполагало северную ориентацию наблюдателя⁷⁰: ἀλλ' εἴη νευρῆς σημήϊα δεξιὰ Πόντου / εὐθὺ διαγραφθέντα, μέση δέ τοι ἔστι Κάραμβις / γραμμῆς ἐκτὸς ἐοῦσα καὶ ἐς βορέην ὁρώσα· / σῆμα δ' ἔχει κεράων σκαῖος πόρος, ὅστ' ἐπὶ δισσὴν / εἰλεῖται στροφάλιγγα, βιοῦ κεράεσσιν ἐοικώς – «правый берег [Евксинского] Понта, обозначенный прямой линией, можно представить (вообразить) тетивой [лука]; один только [мыс] Карамбис выходит за эту линию и смотрит на север; левый берег обозначен рогами, которые изгибаются двумя округлыми линиями, подобно отросткам лука» (ст. 158–162); ἔστι δέ τις καὶ σκαῖον ὑπὲρ πόρον Εὐξεινοῖο / (...) εἰν ἀλλ' νῆσος / ἡρώων – «...на левой стороне Евксинского [Понта] / ...лежит в море остров героев» (ст. 541–543); Κιμμέριον δέ κέ τοι ἀνὰ Βόσπορον ἰθὺς ἰόντι / ἄλλη ἀπειρησὶ νῆσος πέλοι, ἥ ῥά τε λίμνης / ἔνδοθι δεξιτερῇ Μαίωτιδος ἐστήρικται – «...если пройти прямо через Боспор Киммерийский, / встретится другой обширнейший остров, / который лежит по правую сторону внутри Меотийского озера» (ст. 549–551).

Таким образом, общий контекст в приведенных примерах из поэмы Дионисия относится к наблюдателю, а описание ведется вдоль морских побережий, т.е. в

⁶⁸ Ср. ἰόντι – «для входящего в него (sc. в Ионийское море на корабле)», ст. 95, 539, 549; Πόντος μὲν πρότιστος Ἰβηρικὸς ἀρχομένοισιν / ἀγκέχεται – «Самое первое для вступающих [в него на корабле] – Иберийское море», ст. 69–70; ἐπὶ νηὸς – «[войдя] на корабле», ст. 482; κεν... νηὶ θεοῦσῃ – «по ходу плывущего корабля... появятся», ст. 492; κεν εὐεργεῖ νηὶ περήσαις – «можно достигнуть на добротном корабле», ст. 581; ὁπότε... νηὶ τάμης – «стоит только... пересечь на корабле [Скифский Океан]», ст. 588; ἀν... νηὶ περήσεια – «проплывая [вокруг Каспийского побережья] на корабле», ст. 720. Ср., однако, «Περιπλ Ἐριτρείου μοῖρας» (I в. н.э.), где ориентация правое–левое приводится с позиции человека, стоящего на берегу лицом на восток.

⁶⁹ Ср. схожие свидетельства в произведениях Страбона и Овидия (*Strabo*. I. 3. 21; II. 5. 22; VI. 2. 14; VII. 1. 1; 3. 15; XII. 3. 2; *Ovid*. *Trist.* I. 2, 84; 8. 36; IV. 1. 60; 8. 42; 10. 98; V. 10. 14; *Ovid*. *Ep. ex Pont.* II. 2. 2; IV. 9. 119).

⁷⁰ Так, А.В. Подосинов в рассматриваемых стихах Дионисия Перизгета (ст. 161, 481, 541) видит следы северной ориентации, при которой справа от наблюдателя оказывается восток, а слева–запад (Подосинов 1999, 226).

литературной форме перипла, или объезда моря, что позволяет с уверенностью предполагать: в основе данных сведений Дионисия со словоупотреблениями правое–левое лежит более ранний по времени неизвестный периплический источник с северной ориентацией наблюдателя.

КАРТА ДИОНИСИЯ?

Рассмотрение картины мира Дионисия Перизгета наталкивает на вопрос – насколько соотносятся его словесные описания и географическая карта? К этому подводят использованная поэтом специальная терминология, сопоставления очертаний материков с геометрическими фигурами, а также многочисленные указания в поэме на воображаемые меридианы. До сих пор остается открытым вопрос – сопровождался ли текст поэмы изначально графической картой. Некоторые из современных исследователей полагают, что большинство сочинений античных географов – и среди них поэма Дионисия Перизгета – были снабжены картами⁷¹. Другие же, напротив, считают, что к произведениям античных географов не прилагались карты в качестве иллюстраций и что вовсе не следует усматривать в каждом античном географе еще и картографа⁷². Надо признать, что оригиналы древних карт не сохранились, а дошедшие до нас свидетельства античных нарративных источников о наличии географических карт достаточно противоречивы и неоднозначны⁷³.

Большинство из известных нам по нарративным источникам античных карт носили дидактически-иллюстративный или политико-пропагандистский характер: например, круглые карты земли, омываемой Океаном (Herod. IV. 36; Arist. Meteor. II. 5. 13. 362b 12), выгравированная на меди карта Аристагора Милетского (ок. 500 г. до н.э.) (Herod. V. 49, 97), публичная карта в Афинах, на которой Алкивиад отыскивал Аттику (Aelian. Var. hist. III. 28; ср. Aristoph. Nub. 201–219), карта Евдокса Книдского (первая половина IV в. до н.э.), которая, судя по словам Агафемера, являлась словесным описанием ойкумены (Agathem. I. 1), карта Феофраста, ученика и последователя Аристотеля (Diog. Laert. V. 2), и, наконец, знаменитая карта Марка Випсания Агриппы, выставленная Октавианом Августом после смерти Агриппы на портике его имени для всеобщего обозрения (Plin. NH. III. 17)⁷⁴. Новонайденный фрагмент папируса «Артемидора» с изображением географической карты⁷⁵ некоторые исследователи считают поздней подделкой⁷⁶. По поводу данной проблемы, однако, все еще ведутся ожесточенные научные споры⁷⁷.

Исследователи античной географии практически единодушны в том, что понятие «карта» (πίναξ, πίνακιον, tabula, forma, sphaera, orbis depictus) в Древней Греции

⁷¹ Miller 1898, 144–145; Jervis 1938, 185–186; Brown 1949, 49–55; Harley, Woodward 1987, 213–218; Rathmann 2012.

⁷² Berger 1903, 249 ff.; Debenham 1960, 46; Bagrow 1964, 32; Aujac 1975; Jacob 1980, 104–119; 1992, 94–97; Allen 1992, 89–102; Brodersen 2001, 7–21.

⁷³ Ср. Die geographischen Fragmente 1880, 174–175 (о древнейших картах); Janni 1984, 23–32; Dilke 1985; Подосинов 1998, 61–70.

⁷⁴ Brodersen 1995, passim; Holliday 1997, 130–147; Подосинов 2000, 244; Hänger 2007. Murphy (2004) предлагает для характеристики подобного рода феноменов ввести понятие triumphal geography – «география триумфа».

⁷⁵ Galazzi, Kramer 1998; Galazzi, Kramer, Settis 2008 (= editio princeps); Introno al Papiro 2010.

⁷⁶ См., например: Canfora 2007.

⁷⁷ Brodersen 2001, 137–148; Images and Textes 2009; D'Alessio 2009; Marcotte 2010; Rathmann 2011.

и Древнем Риме не имело терминологического значения и, помимо употребления в обиходной речи для обозначения чертежа или рисунка, использовалось в качестве словесного описания части земли или всей ойкумены⁷⁸. Исследования целого ряда ученых последних лет убедительно показывают, что восприятие географического пространства в античности по преимуществу было связано с субъективными факторами, которые нашли отражение в так называемых «ментальных» картах, представляющих собой словесные описания⁷⁹. Разумеется, сведения подобного рода описаний весьма приблизительны и не могут служить надежной основой для локализации или идентификации географических объектов, поскольку, помимо субъективных факторов, включают элементы традиционных суеверий и мифологических представлений, чем коренным образом отличаются от привычного для нас картографического восприятия пространства.

При анализе поэмы Дионисия Перизгета в связи со специфическими особенностями ее содержания представляется правомерным осветить следующие вопросы: (1) рассматривал ли Дионисий некую географическую карту во время работы над поэмой, описывая ее в тексте, или (2) уже готовый стихотворный текст позднее был снабжен графической картой. В поэме Дионисия нет прямых указаний, подтверждающих существование географической карты в современном смысле слова или даже намеков на намерение поэта разработать подобную карту, иллюстрирующую стихотворный текст⁸⁰. Вместе с тем приходится признать, что «Описание ойкумены» содержит сведения об условных или воображаемых меридианах и параллелях; не менее загадочным представляется стремление автора поэмы «идентифицировать» некоторые географические объекты с геометрическими фигурами или символами, что требует специального рассмотрения.

Условные, или воображаемые, меридианы

В схематичной картине мира Дионисия расположенные напротив друг друга реки Танаис на севере (ст. 14 сл., 660 сл.) и Нил на юге (ст. 18, 230) образуют условную линию север–юг⁸¹. Иначе говоря, устья Танаиса и Нила лежат на одном

⁷⁸ Подробнее см. Janni 1984, 41–49; Brodersen 1995; Prontera 1984, 189–256; Nicolet 1988, 103–111; Romm 1992, 7; Подосинов 2000, 248–249; ср. Paassen 1957, 37.

⁷⁹ Janni 1984, 11–14; Gehrke 1998, 163–164; Meyer 1998b, 61–63; Подосинов 1999, 614 сл.

⁸⁰ Одни из исследователей настаивают на существовании географической карты у Дионисия Перизгета, опираясь на слово *λίναξ* у схолиастов и в комментарии Евстафия Солунского (XII в.), другие же полны скепсиса относительно использования в античную эпоху привычных для нас географических карт (см. Knaack 1903, 920; Kubitschek 1919, 21–24; Gärtner 1975, 74; Подосинов 2000, 245).

⁸¹ Страбон возражает географам, которые, как и Дионисий Перизгет, локализуют Танаис симметрично по отношению к Нилу и располагают русла этих рек на одном и том же меридиане: «Танаис течет из северных областей, однако не в диаметрально противоположном направлении (*διάμετρον ἀντιρρόους*) к течению Нила, как думает большинство, но восточнее его» (*Strabo*. XI. 2. 2. С 493 – пер. Г.А. Стратановского; ср. также *Strabo*. II. 4. 6. С 108). С другой стороны, римский автор I в. Помпоний Мела полагает, что Танаис и Нил находятся на одном меридиане: *Nos mari et duobus inclutis amnibus, Tanai atque Nilo, in tres partes universa dividitur. Tanais a septentrione ad meridiem vergens, in mediam fere Maeotida defluit; et ex diverso Nilus in pelagum* – «Этим морем и двумя знаменитыми реками – Танаисом и Нилом – вся [суша] делится на три части. Танаис, текущий с севера на юг, впадает приблизительно в среднюю часть Меотиды; а с противоположной стороны

меридиане⁸², а условная линия Средиземного моря представляет собой воображаемую параллель, которая разграничивает материки – Европу и Ливию (ст. 10 сл., 70 сл.) – и тянется далее в восточном направлении в качестве горной цепи Тавра⁸³, разграничивая Северную и Южную Азию (ст. 636 сл.). В точке пересечения этих воображаемых линий («Танаис–Нил» и «Средиземное море–Тавр») располагается центр обитаемого мира, в котором находится либо родной город Дионисия – Александрия Египетская⁸⁴, либо средиземноморский остров Родос⁸⁵.

Функции условных меридианов и параллелей в конкретных регионах мира выполняют у Дионисия элементы природного ландшафта – реки или горные хребты, которые наподобие схематичных линий тянутся в определенных направлениях. Так, к примеру, русла таких крупных европейских рек, как Рен-Рейн и Истр-Дунай, функционируют в схематичной картине мира Дионисия в качестве условных меридианов: Рен-Рейн как отрезок меридиана, а Истр-Дунай – как параллель.

τῆς διὰ μεσσατίας κατασύρεται ὕδατα Ῥήνου / ὑστάτιον ποτὶ χεῦμα βορείადος ἀμφιτρίτης / Ῥήνῳ δ' ἐξείης ἐπιτέλλεται ἱερὸς Ἴστρος / αὐτός, ἐς ἀντολίην τετραμμένος ἄχρι θαλάσσης / Εὐξείνου – «из самой их середины [sc. середины Альпийских гор] стекают вниз воды Рена – вплоть до самого дальнего потока Северного моря. Рядом с Реном возникает священный Истр, тот самый Истр, текущий на восток до Евксинского Понта» (ст. 296–300).

По словам Дионисия, вдоль всего Авсонийского полуострова тянется горная цепь Апеннин, – начиная от расположенных на севере Альпийских гор (Ἀλπίος ἀρχόμενον, ст. 344) и вплоть до Сицилийского (ныне – Мессенского) пролива на юге (Σικελίην ἐπὶ πορθμίδα, ст. 344), – которая разрезает весь полуостров пополам (τὴν μὲν τε μέσῃν ὄρος ἀνδιχα τέμνει / ὀρθόν, ἅτε στάθμης ἰσχυμένον, ст. 340–341), одновременно представляя собой отрезок меридиана север–юг⁸⁶. Локализованная Дионисием в Азии река Инд, которая берет начало с гор Индийского Кавказа и течет к Эритрейскому морю «прямо на юг» (ἐπὶ νότον ὀρθόν, ст. 1090), также представляет собой условный отрезок воображаемого меридиана.

Использованное Дионисием в двух последних примерах наречие ὀρθόν – «прямо» встречается и еще в ряде отрывков. При этом наречие у Дионисия выполняет

в море впадает Нил» (*Mela*. I. 1. 8; пер. А.В. Подосинова). Ср. комментарий к цитируемому отрывку Помпония Мелы: Подосинов, Скржинская 2011, 67. Разделение ойкумены на три материка, где условными границами служат реки Танаис и Нил, неоднократно повторяется на средневековых картах VIII–XIII вв. Т-О-типа, где буква «О» представляет кольцо Океана, а буква «Т» означает, что ойкумена разделена Средиземным морем, Танаисом и Нилом на три материка – Европу, Ливию и Азию. См., например: Чекин 1999, 11–15 (о классификации географических карт).

⁸² Согласно Эратосфену, схожий меридиан пролегает через Мероэ, Сиену, Александрию, Родос, Геллеспонт и устье Борисфена (*Eratosth.* F II C 2 Berger = *Strabo*. I. 4. 1–2. C 62–63).

⁸³ Следует отметить, что эпитет ὀρθότατον – «исключительно прямой» (ст. 641) указывает на «прямизну» образуемой горами Тавра условной линии.

⁸⁴ Brodersen 1995, 96.

⁸⁵ В соответствии с представлениями Эратосфена ойкумена разделена на северную и южную части линией «диафрагмы», или, иначе говоря, родосской параллелью, которая пролегает в восточном направлении и совпадает далее с условной линией горной цепи Тавра (*Eratosth.* F III A 2 Berger = *Strabo*. II. 1. 1. C 67–68; F III A 3 Berger = *Strabo*. II. 1. 33. C 86).

⁸⁶ Ср. схожее описание Апеннинских гор у античных географов: *Strabo*. II. 5. 29. C 128, V. 1. 3. C 211; *Plin.* NH. III. 48; *Mela*. II. 58; *Ptol.* Geogr. III. 1. 44, 45.

функцию маркирующего слова⁸⁷ и совмещает два значения: с одной стороны, как «растяжение в вертикальном направлении (в противоположность к расширению в горизонтальном направлении)», с другой – как «прямызна» (в противоположность к округлости или кривизне)⁸⁸. Выше уже рассматривался пример с дующим «прямо» Исмарским северным ветром, что служит обозначению еще одного воображаемого меридиана (ст. 114). В другом пассаже Дионисия говорится, что из Меотиды в Понт вытекает «огромная масса воды... прямо» (τὸ μύριον [...] ὕδωρ / ὀρθόν, ст. 166–167) через пролив Боспор Киммерийский, который тем самым становится продолжением Танаиса, впадающего в середину Меотиды (Τάναϊς Μαϊώτιδος ἐς μέσα πίπτει – ст. 660, ср. ст. 16). В целом это позволяет прийти к выводу, что, согласно Дионисию, устье Танаиса лежит на той же самой долготе, что и пролив Боспор Киммерийский. Наконец, северочерноморская река Борисфен впадает в Евксинский Понт «прямо по линии напротив Кианейских скал» (ὀρθὸν ἐπὶ ὑραμνῇ κατεναντία Κυανέων – ст. 313), находящихся по обе стороны азиатского и европейского берегов пролива Боспора Фракийского при входе в Черное море с юга⁸⁹. Как видим, устье Борисфена и Кианейские скалы представляют собой у Дионисия географические локусы, расположенные на одном и том же меридиане.

Сравнение очертаний материков с геометрическими фигурами

Наложение координатных линий «север-юг» и «запад-восток» на сушу в форме пращи в схематичной картине мира Дионисия приводит к тому, что поэт сравнивает очертания материков с геометрическими фигурами⁹⁰. Согласно Дионисию, схожие по очертаниям и форме материка Европа и Ливия уподобляются равнобедренному треугольнику. Его основная линия совпадает с основной линией Азии, которая представляет собой аналогичное изображение равнобедренного треугольника. Общее основание между западной (Европа и Ливия) и восточной (Азия) частями ойкумены расположено в центре суши в направлении с севера на юг⁹¹. Азия также разделена горным хребтом Тавром на северную и южную половины (ст. 636 сл., 890)⁹². Таким образом, Азия образует точно такую же треугольную фигуру, как Европа вместе с Ливией и располагается симметрично по отношению к ним. Вершины треугольников указывают, с одной стороны, на западную границу (περὶ τέρμασιν – ст. 64) ойкумены с Геракловыми Столбами (πυμάτῃ...

⁸⁷ Что подчеркивается самой позицией наречия в начале стиха: ср. ст. 114, 167, 313, 341.

⁸⁸ Ср. LSJ s.v.

⁸⁹ Бергер отмечает, что стихи Дионисия о реке Борисфене и Кианейских скалах представляют собой переложение свидетельств Эратосфена (F III A 38) (Die geographischen Fragmente 1880, 206).

⁹⁰ Разделение круга земель на элементарные геометрические фигуры, например, прямоугольники и квадраты, было осуществлено уже Гекатеем Милетским (см. Krafft 1971, 168–199; 1990, 43; Neilen 2000, 48).

⁹¹ Графическое изображение ойкумены, составленной из двух равнобедренных треугольников, восходит к географической модели Эратосфена, отрывок из сочинения которого сохранен Страбоном: *Eratosth.* F III A 24 Berger = *Strabo.* II. 5. 16. С 120. См. также: Die geographischen Fragmente 1880, 220–221 (о сравнении очертаний ойкумены с хламидой, равнобедренным треугольником и пращой); Brodersen 1995, 95–97; Prontera 1997, 50–54.

⁹² Эратосфен был одним из первых, кто обозначил горный хребет Тавра в качестве границы между Северной и Южной Азией (F III A 1 ff. Berger); подробнее см. Berger 1903, 417 ff.; Schmidt 1964, 52 ff.

ὕπὸ γλωχίνι – ст. 184, ср. ст. 281: πυμάτῃς'... ἐπὶ πλευρῇσι и ст. 334: πυμάτῃ), с другой стороны – на восточную «границу земли» (περὶ τέρματα γαίης – ст. 1164), «где стоят Столбы рожденного в Фивах Диониса» (ст. 622–623: πυμάτοιο)⁹³ (см. выше, рис. 2).

Рассуждая формально, сравнения с геометрическими фигурами можно поставить в один ряд с «эмпирическими» сравнениями Дионисия при описании очертаний материков, стран, полуостровов, морей и т.д., поскольку те и другие выполняют схожие функции. Так, в прологе поэмы Дионисий сравнивает ойкумену с пращой (ст. 4–7), затем Иберийский полуостров – со шкурой быка (ст. 287)⁹⁴, в то время как Пелопоннес – с платановым листом, черенок которого символизирует Коринфский перешеек (ст. 404 сл.)⁹⁵. Тавр разделяет Азиатский материк, словно круторогий бык, по имени которого, уточняет Дионисий, и получил название этот горный хребет (ст. 641–643). Понт Евксинский сравнивается со скифским луком (ст. 156–157), а Ливия – со шкурой гепарда (ст. 181)⁹⁶. Перечисленные сравнения Дионисия отнюдь не оригинальны, но восходят к географической традиции: эти и подобные им сравнения неоднократно встречаются в дошедших до нас текстах античных географов⁹⁷. Так, ойкумена сравнивается не только с пращой, но и с хламидой⁹⁸ или трапецией⁹⁹, Италия – с эвкалиптовым¹⁰⁰ или с дубовым¹⁰¹ листом, а также с треугольником¹⁰²; Сардиния сравнивается с отпечатком человеческой ступни¹⁰³,

⁹³ Нельзя не отметить, что в тексте Дионисия Перизгета встречаются противоречивые сведения: например, в одних стихах очертания Ливии (ст. 274) уподоблены треугольнику, а в других – трапеции (ст. 174). В качестве отдельного региона южная часть Азии представлена четырехугольником (ст. 887), но в контексте общих представлений о картине мира та же самая Южная Азия отождествляется с треугольником, который Тавром отграничен от Северной Азии (ст. 620 сл.). Не совсем ясно, где все же пролегалa водная граница между Ливией и Азией – по Нилу (ст. 23–25) или по Аравийскому морю (ст. 178–180). Возможно, эти противоречия сведений Дионисия в отношении одних и тех же географических объектов объясняются тем, что либо Дионисий использовал свидетельства из разновременных источников, либо таким было состояние свидетельств в самих источниках. Не исключено, что собранные Дионисием сведения представлены в поэме сразу в двух формах – текстовой и картографической.

⁹⁴ Ср. *Strabo*. II. 1. 30. С 83; II. 5. 28. С 127; III. 1. 3. С 137.

⁹⁵ Ср. *Strabo*. II. 1. 30. С 83; VIII. 2. 1. С 335; *Mela*. II. 3. 38; *Plin.* NH. IV. 9; *Agathem.* V. 24.

⁹⁶ Помимо Дионисия, сравнение Ливии с пятнистой шкурой гепарда приводит Страбон; ср. *Dion. Per.* 181; *Strabo*. II. 5. 33. С 130, ср. также *Cic. Somn. Scip.* 6. Оба – Дионисий и Страбон – сравнивают Ливию с треугольником (*Dion. Per.* 274; *Strabo*. XVII. 3. 1. С 825 = *Eratosth.* F III B 55 Berger) и одновременно с трапецией (*Dion. Per.* 174; *Strabo*. II. 5. 33. С 130).

⁹⁷ Подробнее об употреблении геометрических фигур у античных географов см. Gisinger 1924, 612–613; Dueck 2005.

⁹⁸ *Eratosthen.* F II B 27 Berger = *Strabo*. II. 5. 6. С 113; 5. 9. С 116; II. 5. 14. С 118; XI. 11. 7. С 519.

⁹⁹ *Agathem.* I. 2; *Eust.* ad Hom. II. VII. 446.

¹⁰⁰ Schol. Arat. Phaen. 236.

¹⁰¹ *Plin.* NH. III. 43; *Solin.* I. 14.

¹⁰² *Polyb.* II. 14. 4; *Strabo*. V. 1. 2. С 210 (об Апеннинском полуострове как τετράπλευρον).

¹⁰³ *Plin.* NH. III. 85; *Manil.* IV. 631; *Paus.* X. 17. 1; *Agathem.* V. 20; *Steph. Byz.* s.v. Σαρδός; *Eust.* ad Dion. Per. 157, 458.

Сицилия – с треугольником¹⁰⁴; отдельную группу составляют сравнения с очертаниями букв, большая часть которых восходит к Эратосфену¹⁰⁵.

Приведенные примеры указывают на то, что Дионисий был, по всей видимости, знаком с основами математической географии и графическими изображениями земной поверхности или их описаниями по произведениям Эратосфена и Посидония. Однако нельзя с определенностью утверждать, что при жизни Дионисия карта играла самостоятельную роль в локализации описанных в поэме географических объектов и что, работая над стихотворным текстом, поэт держал подобную карту перед собой. В словесных описаниях Дионисий нередко использует риторически преувеличенные характеристики: например, он упоминает «бескрайнюю» (ἄλειπτος) долину Додоны (ст. 430), «огромную» (μέγα) долину этолийских мужей (ст. 432), «чрезвычайно громадные» (μέγεθος περιώσιον) Британские острова (ст. 569) и т.п. Тем не менее это «бесконечное» пространство прекрасно организовано благодаря системе условных координат в виде рек и горных хребтов. Геометрические фигуры, как и сравнения, лишь в той мере становятся подобиями символов, в какой географические объекты отождествляются с графическими изображениями. Сравнения географических объектов с геометрическими фигурами в контексте дидактической поэмы Дионисия преследуют прежде всего мнемотехнические задачи, когда сравнения используются по преимуществу в наглядных целях¹⁰⁶. Поэт комбинирует не связанные друг с другом протокартографические и перизетические элементы описания; это позволяет прийти к выводу, что Дионисий не претендовал на роль составителя графической карты. В качестве сугубо «книжного» автора Дионисий был хорошо знаком с географической традицией и стремился к тому, чтобы систематизировать неоднородные и разновременные сведения предшественников с целью представить их читателю в ясной и доступной форме¹⁰⁷.

В VI в. Кассиодор, наставляя монастырских монахов и учеников Вивария, писал в своем учебном пособии: *deinde pinacem Dionisii discite breviter comprehensum... ut quod auribus in supra dicto libro [sc. Iulii Honori] percipitur, paene oculis intuentibus videre possitis* (De inst. div. I. 25, 2). У Кассиодора *pinax Dionisii breviter comprehensus* – «кратко составленная табличка Дионисия» может означать как графическую карту, выполненную на основе «Описания ойкумены», так и текст перизегезы, который в сжатой, хотя и содержащей подробности форме воспроизводил образ обитаемого мира¹⁰⁸ (ср.: ἡδὲ γὰρ πάσης μὲν ἐπέδραμον οἶμα θαλάσσης / ἡδὲ δ'

¹⁰⁴ Strabo. VI. 2. 1. С 265, ср. VI. 1. 5. С 257; Plin. NH. III. 86, 87; Justin. IV. 2. 1; Agathem. V. 20; ср. Schol. Apoll. Rhod. IV. 965; Dion. Hal. Ant. I. 22. 2; Diod. V. 2. 1; Schol. Nic. Ther. 520.

¹⁰⁵ Eratosth. F III B 51 Berger = Strabo. XVII. 1. 2. С 785 (среднее течение Нила сравнивается с зеркально перевернутой греческой буквой N); Amm. Marc. XXII. 8. 4–6 (Пропонтида похожа на Φ) и т.д. См. Hagenow 1932, 148.

¹⁰⁶ Ср. Plat. Leg. VII. 810e–811a (об используемых в древности мнемотехнических приемах); подробнее см. Blum 1969.

¹⁰⁷ Ср. употребляемые в поэме «знаковые» выражения и ключевые слова, характерные лишь для античных дидактических произведений: ῥέα (ст. 280, 345, 1169) соотв. ῥεῖα – «легко» (ст. 707), ῥηδίων (ст. 619) и ῥηδῖως – «с легкостью» (ст. 881). Одно из эстетических требований «второй софистики», которому следовал в поэме Дионисий Перизет, заключалось в том, чтобы синтезировать сведения архаической старины с данными эллинистических источников.

¹⁰⁸ Ср. Подосинов 2000, 245.

ἡλεῖρων σκολὸν λόρον – «Итак, я коснулся вкратце волн всех морей и извилистых очертаний материков», ст. 1184–1185).

В заключение отметим, что Дионисий не скрывает от читателя основной цели своего произведения – представить в поэтической форме этногеографический очерк всей ойкумены (ср. ст. 170 сл., 888 сл.). Общая картина мира Дионисия включает в себя описание Океана, омывающего сушу, которая очертаниями напоминает форму пращи, а также схематичное изображение трех материков, увиденных словно «с высоты птичьего полета». Следуя традиции, Дионисий уподобляет очертания отдельных стран и регионов геометрическим фигурам или символам ради наглядности и лучшего усвоения географического материала. Вместе с тем, переходя к детальному описанию конкретных местностей, Дионисий локализует страны и народы относительно условного наблюдателя, что позволяет структурировать пространство в виде так называемых «путей», или маршрутов, с перечнем топонимов, маркирующих пунктов, названий племен и народов. Такой способ восприятия пространства восходит к ориентированным на реальную действительность сочинениям архаического времени, периплам и перизегзам. В тексте Дионисия механически переплетаются не связанные друг с другом протокартографические и перизегетические элементы описания: в ходе анализа сведений Дионисия приходится признать, что поэт отдавал предпочтение данным словесных описаний, а вовсе не компонентам картографического изображения. Иными словами, о существовании какой-либо графической карты Дионисия не может быть и речи.

Дионисий широко использует неоднородные и разновременные письменные источники; в основе его субъективного восприятия географического пространства лежит традиционное наследие греческой науки с присущими ей специфическими особенностями. Более того, автор облек географический материал в литературную форму стихотворной перизегезы, преследующей дидактические цели. Этими обстоятельствами обусловлен и отбор географических источников, которые содержат различную информацию о водном и земном пространстве от Геракловых Столбов вплоть до восточного побережья Индии, от южной страны эфиопов и до острова Туле на крайнем севере.

Литература

Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. 1982: Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М.

Иванчик А.И. 2005: Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. Москва–Берлин.

Илюшечкина Е.В. 2011: Читал ли Дионисий Перизегет «Географию» Страбона? // Индоевропейское языкознание и классическая филология–XV. Материалы Чтений, посвященных памяти проф. М.И. Тронского. СПб., 221–226.

Муравьев С.Н. 1988: Пять античных свидетельств в пользу «Птолемеевой» трансгрессии Каспия // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1986 г. М., 235–247.

Подосинов А.В. 1976: К семантике предлогов и наречий с пространственным значением в античной географической литературе // XIV Международная конференция античников социалистических стран «Эйрене». Тезисы докладов. Ереван, 336–338.

Подосинов А.В. 1978: Картографический принцип в структуре географических описаний древности (постановка проблемы) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. Сб. ст. М., 22–45.

Подосинов А.В. 1998: Античная картография (факты и проблемы) // Вопросы истории. 8, 61–70.

Подосинов А.В. 1999: Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М.

Подосинов А.В. 2000: Проблемы исторической географии Восточной Европы (древность и раннее Средневековье). Lewiston-Queenstone-Lampeter.

Подосинов А.В. 2002: Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М.

Подосинов А.В. 2011: Океан, моря, проливы и реки в архаической картине мира древних греков // Висы дружбы. Сб. ст. в честь Т.Н. Джаксон. М., 345–356.

Подосинов А.В., Скржинская М.В. 2011: Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий. М.

Рожанский И.Д. 1988: История естествознания в эпоху эллинизма и Римской империи. М.

Чекин Л.С. 1999: Картография христианского Средневековья VIII–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М.

Черняк А.Б. 2001: Prolegomena к «Анналам» Тацита, книги I–VI. XII. Mare Rubrum (Tac. Agr. 12. 6; Ann. 2. 61. 2; 14. 25. 2) // Индоевропейское языкознание и классическая филология–V. СПб., 156–163.

Чистякова Н.А. 1988: Эллинистическая поэзия. Л.

Abel K. 1974: Zone 1 // RE. Suppl. 14, 989–1188.

D'Alessio G. 2009: On the «Artemidorus» Papyrus // ZPE. 171, 27–43.

Allen Ph. 1992: The Atlas of Atlases. The Map Maker's Vision of the World. N.Y.

Dionisio 2005: Dionisio di Alessandria. Descrizione della Terra abitata. Testo Greco a fronte / E. Amato (ed.). Milano.

Anhut E. 1888: In Dionysium Periegetam Quaestiones criticae. Regimonti.

Aujac G. 1975: La géographie dans le monde antique. P.

Bagrow L. 1964: History of Cartography. Camb.

Die geographischen Fragmente 1880: Die geographischen Fragmente des Eratosthenes / H. Berger (Hrsg.). Lpz.

Berger H. 1903: Geschichte der wissenschaftlichen Erdkunde der Griechen. Lpz.

Bernays U. 1905: Studien zu Dionysius Periegetes. Heidelberg.

Blum H. 1969: Die antike Mnemotechnik. Hildesheim.

Brodersen K. 1995: Terra Cognita. Studien zur römischen Raumerfassung. Hildesheim–New York.

Brodersen K. 2001: Neue Entdeckungen zu antiken Karten // Gymnasium. 108, 2, 137–148.

Brodersen K. 2004: Antike Weltbilder im Widerspruch zwischen Theorie und Praxis // Weltbilder / H. Gebhardt, H. Kiesel (Hrsg.). Berlin–Heidelberg, 111–126.

Images and Texts 2009: Images and Texts on the «Artemidorus Papyrus» / K. Brodersen, J. Elsner (Hrsg.). Stuttgart.

Brown L.A. 1949: The Story of Maps. Boston.

Burr V. 1932: Nostrum mare. Ursprung und Geschichte der Namen des Mittelmeeres und seiner Teilmeere im Altertum. Stuttgart.

Canfora L. 2007: The true history of the so-called Artemidorus Papyrus. Bari.

Chantraine P. 1983–1984: Dictionnaire étymologique de la langue grecque. T. I–IV. P.

Debenham F. 1960: The World is round. The Story of Man and Maps. L.

Dilke O.A.W. 1985: Greek and Roman Maps. L.

Dueck D. 2005: The Parallelogram and the Pinecone: Definition of Geographical Shapes in Greek and Roman Geography on the Evidence of Strabo // Ancient Society. 35, 19–57.

Dürbeck H. 1977: Zur Charakteristik der griechischen Farbbezeichnungen. Bonn.

Ebeling H. 1880–1885: Lexicon Homericum. Lipsiae.

Effe B. 1977: Dichtung und Lehre. Untersuchungen zur Typologie des antiken Lehrgedichtes. München.

Fruhworth A. 1990: Die Periegesis des Dionysios von Alexandria. Einführung und Übersetzung. Graz.

Gärtner H. 1975: Dionysios [30] // KIP II, 73–74.

Galazzi C., Kramer B. 1998: Artemidor im Zeichensaal. Eine Papyrusrolle mit Text, Landkarte und Skizzenbüchern aus späthellenistischer Zeit // APF. 44, 189–208.

Galazzi C., Kramer B., Settis S. 2008: Il papiro di Artemidoro. Mailand.

Intorno al Papiro 2010: Intorno al Papiro di Artemidoro. Contesto culturale, lingua, stile e tradizione. Atti del convegno internazionale del 15 novembre 2008 presso la Scuola Normale Superiore di Pisa / C. Gallazzi, B. Kramer, S. Settis, A. Soldati (Hrsg.). Milano.

Gehrke H.-J. 1998: Die Geburt der Erdkunde aus dem Geiste der Geometrie. Überlegungen zur Entstehung und zur Frühgeschichte der wissenschaftlichen Geographie bei den Griechen // Gattungen wissenschaftlicher Literatur in der Antike / W. Kullmann, J. Althoff, M. Asper (Hrsg.). Tübingen. 163–192.

- Geus K. 2002: Eratosthenes von Kyrene. Studien zur hellenistischen Kultur- und Wirtschaftsgeschichte. München.
- Gisinger F. 1924: Geographie // RE. Suppl. 4, 521–685.
- Gisinger F. 1937: Okeanos // RE. XVII. 2. Hlbd 34, 2308–2349.
- Göthe A. 1875: De fontibus Dionysii Periegetae. Göttingen.
- Hängeler C. 2007: Die Karte des Agrippa, in Wahrnehmung und Erfassung geographischer Räume in der Antike // Wahrnehmung und Erfassung geographischer Räume in der Antike / M. Rathmann (Hrsg.). Mainz, 135–142.
- Hagenow G. 1932: Untersuchungen zu Artemidors Geographie des Westens. Quakenbrück.
- Harley J.B., Woodward D. 1987: The History of Cartography. Bd. I: Cartography in Prehistoric, Ancient and Medieval Europe and the Mediterranean. Chicago–London.
- Heilen S. 2000: Die Anfänge der wissenschaftlichen Geographie: Anaximander und Hekataios // Geschichte der Mathematik und der Naturwissenschaften in der Antike. Bd. 2. Geographie und verwandte Wissenschaften / W. Hübner (Hrsg.). Stuttgart, 33–54.
- Eratosthenis 1872: Eratosthenis Carminum Reliquiae / E. Hiller (Hrsg.). Lpz.
- Holliday P.J. 1997: Roman Triumphal Painting. Its Function, Development, and Reception // Art Bulletin. 79, 130–147.
- Ilyushechkina E.V. 2011: Zur Quellenfrage der Erdbeschreibung des Dionysios Periegetes: Die Geographika Strabons als eine der Quellen? // Geographia Antiqua. 20 (в печати).
- Irwin E. 1974: Greek Colour Terms. Toronto.
- Jacob Chr. 1980: Ecritures du monde, points de vue, parcours et catalogues // Cartes et Figures de la Terre. P., 104–119.
- Jacob Chr. 1982: Le Sujet et le Texte. Sur l'Identité de Denys le Périégète // Lalies. IV, 215–239.
- Jacob Chr. 1985: Dionisio di Alessandria, il noos delle Muse e lo sguardo aereo sull'ecumene // Mondo classico: percorsi possibili. Ravenna, 83–107.
- Jacob Chr. 1992: L'empire des cartes: approche théorique de la cartographie à travers l'histoire. P.
- Janni P. 1984: La mappa e il periplo. Cartographia antica e spazio odologico. R.
- Janni P. 1998: Cartographie et art nautique dans le monde ancien // Geographica historica / P. Arnaud, P. Counillon (Hrsg.). Bordeaux–Nice, 41–54.
- Jervis W.W. 1938: The World in Maps. A Study in Map Evolution. London–Liverpool.
- Kappeler B. 1990: Das «Tote Meer» bei Diogenes von Oinoanda // EA. 15. 7–18.
- Keßler D. 1977: Himmelsrichtungen // Lexikon der Ägyptologie II. 1213–1215.
- Korenjak M. 2002: Warum ist das Rote Meer rot? Ein geographisches Problem in der römischen Dichtung // WS. 115. 219–224.
- Krafft F. 1971: Geschichte der Naturwissenschaft. Bd I. Die Begründung einer Wissenschaft von der Natur durch die Griechen. Freiburg.
- Krafft F. 1990: Die Mathematisierung des Kosmos // Vorträge des ersten Symposiums des Bamberger Arbeitskreises. Antike Naturwissenschaft und ihre Rezeption / K. Döring, G. Wöhrle (Hrsg.). Wiesbaden, 33–63.
- Kubitschek W. 1919: Karten // RE. X. 2, Hlbd 20. 2022–2149.
- Lasserre F. 1975: Winde, Windrosen // KIP. V, 1375–1380.
- Lewin K. 1934: Der Richtungsbegriff in der Psychologie. Der spezielle und allgemeine Hodologische Raum // Psychologische Forschung. 19, 249–299.
- Lodesani D. 2011: Dionigi Periegeta. Ricognizione dello *status quaestionis* // Maia. 63, 274–295.
- Marcotte D. 2010: Le papyrus d'Artémidore: le livre, le texte, le débat // RHT. 5, 333–371.
- Meyer D. 1998a: Hellenistische Geographie zwischen Wissenschaft und Literatur: Timosthenes von Rhodos und der griechische Periplus // Gattungen wissenschaftlicher Literatur in der Antike / W. Kullmann, J. Althoff, M. Asper (Hrsg.). Tübingen, 193–215.
- Meyer D. 1998b: Zur Funktion geographischer Darstellungen bei Apollonios Rhodios und in der Periegesis an Nikomedes (Ps.-Skymnos) // Antike Naturwissenschaft und ihre Rezeption / K. Döring, B. Herzhoff, G. Wöhrle (Hrsg.). Bd 8. Trier, 61–81.
- Miller K. 1898: Mappae mundi. Bd 6: Rekonstruierte Karten. Stuttgart.
- Mommsen T. 1895: Beiträge zu der Lehre von den griechischen Präpositionen. B., 806–824.
- Murphy T. 2004: Pliny the Elder's Natural History. The Empire in the Encyclopedia. Oxf.
- Nicolet C. 1988: L'inventaire du monde. Géographie et politique aux origines de l'Empire romain, P.
- Podossinov A.V. 1991: Himmelsrichtung // RAC. 15. 233–286.
- Podossinov A.V. 2003: Die antiken Geographen über sich selbst und ihre Schriften // Antike Fachschriftsteller: Literarischer Diskurs und sozialer Kontext / M. Horster, Chr. Reitz (Hrsg.). Stuttgart, 88–104.

- Prontera F.* 1984: Prima di Strabone: materiali per uno studio della geografia antica come genere letterario // Strabone. Contributi allo studio della personalità e dell'opera (I) / F. Prontera (Hrsg.). Perugia, 189–256.
- Rathmann M.* 2011: Der Artemidorpapyrus (P. Artemid.) im Spiegel der Forschung // *Klio*. 93, 350–368.
- Rathmann M.* 2012: Geographie in der Antike. Überlieferte Fakten, bekannte Fragen, neue Perspektiven // *Morphome des Wissens. Geographische Kenntnisse und ihre konkreten Ausformungen* / J. Hammerstaedt, D. Boschung (Hrsg.). Köln (in print).
- Rehm A.* 1916: Griechische Windrosen // Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wiss. Philosoph.-Hist. Kl. Teil 3. München.
- Ritschl F.* 1842: Die Vermessung des römischen Reiches unter August, die Weltkarte des Agrippa und die Cosmographie des sogenannten Aethicus (Julius Honorius) // *RhM*. 1, 518–519.
- Romm J.S.* 1992: *The Edges of the Earth in Ancient Thought. Geography, Exploration, and Fiction*. Princeton.
- Schneider M.* 1882: *De Dionysii Periegetae arte metrica et grammatica capita selecta*. Lpz.
- Schrijvers P.J.* 2010: In Praise of Messalla. Hellenistic Geography in three Roman Panegyric Poems // *Nature and Science in Hellenistic Poetry* / M.A. Harder, R.F. Regtuit, G.C. Wakker (eds.). Leuven, 149–176.
- Schweder E.* 1903: Ueber den Ursprung und die ursprüngliche Bestimmung des sogenannten Strassennetzes der Peutingerschen Tafel // *Philologus*. 62, 357–387.
- Solmsen F.* 1968: *Kleine Schriften*. Bd I. Hildesheim.
- Tallqvist K.* 1928: *Himmelsgegenden und Winde. Eine semasiologische Studie*. Helsinki.
- Thomas R.* 1986: Virgil's Georgics and the Art of Reference // *HSPH*. 90, 195–198.
- Tsavari I.O.* 1990: *Dionysiou Alexandreos Oikumenes periegesis (Διονυσίου Ἀλεξανδρέως Οἰκουμένης περιήγησις/ κριτική ἔκδοσις)*. Ioannina.
- Paassen Chr. Van* 1957: *The Classical Tradition of Geography*. Groningen.
- Fritz K. von Fritz* 1967: *Die griechische Geschichtsschreibung*. Bd I. Von den Anfängen bis Thukydides. B.
- West M.L.* 1997: *The East Face of Helicon. West Asiatic Elements in Greek Poetry and Myth*. Oxf.
- Zimmermann K.* 1999: *Libyen. Das Land südlich des Mittelmeers im Weltbild der Griechen*. München.

THE WORLD VIEW OF DIONYSIUS PERIEGETES

E.V. Ilyushechkina

The author analyzes the world view of Dionysius Periegetes (2nd century AD) as expressed in his didactic poem *Orbis terrae descriptio*, which includes a schematic description of the sling-shaped oikumene surrounded by the ocean and divided into three continents (Libya, Europe and Asia). Dionysius traditionally compares the shapes of the particular continents, countries and areas with geometrical figures, a fact which has a mnemonistic effect known from rhetorical school practice. At the same time, Dionysius correlates detailed descriptions of certain areas with the reference to an imagined traveler's (i.e. hodological) point of view. This way of space perception and orientation through routes with landmarks, geographical names and tribes goes back to the archaic literature, periples and periegesis. Thus, in his description of the world Dionysius combines protocartographic and periegetic elements with no intention to describe a certain geographic map.